

№ 43

ЦЕНА 10 ЦЕНТОВ

ОРГАН

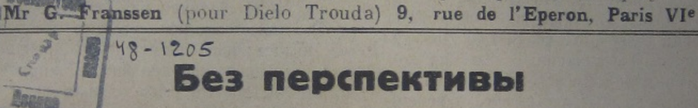
РУССКИХ АНАРХИСТОВ-КОММУНИСТОВ

ДЕКАБРЬ 1928 г.

«DIELO TROUDA» Journal Mensuel

Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу:
Mr G. Franssen (pour Dielo Trouda) 9, rue de l'Eperon, Paris VI[e]

4-ый год издания

Без перспективы

Речь Сталина на ноябрьском пленуме центрального комитета ВКП 19 ноября с. г. являлась изложением и развитием основных тезисов, принятых политбюро на ближайший период. Она касалась трех основных вопросов — индустриализации, сельского хозяйства и борьбы с уклоном в рядах ВКП. Формально, речь большевистского самодержца, как и следовало ожидать, выражала «непоколебимую» уверенность в правильности пройденного и в верности намечаемого далее большевиками пути. *По существу*, эта речь явилась свидетельством полного банкротства основных методов большевиков в прошлом и их бесперспективности в будущем. Никаких надежд, никакого просвета в будущем не предвидится для диктатуры, зажавшей революцию в тиски. Это неумолимо явствует из речи Сталина.

Сталин начинает с заявления о том, что «Мы догнали и перегнали капиталистические страны в смысле установления нового политического строя, советского строя. Но этого мало. Для того, чтобы добиться окончательной победы социализма, нужно еще догнать и перегнать эти страны также в технико-экономическом отношении».

Что же надо сделать для осуществления этого второго дела? Надо, говорит Сталин, быстрым темпом индустриализировать нашу страну. А индустриализация страны возможна лишь при общем под'еме сельского хозяйства, при переводе его на новую техническую базу, на базу крупного производства. Можно возразить большевикам, что индустриализация страны, да еще в их руках, может совсем не означать социализма. Целый ряд стран индустриализируется, но экономическое, а следовательно и политическое, рабство рабочего класса от этого нисколько не слабеет, наоборот, прогрессирует и крепнет. Мы знаем, что у большевиков на это имеется возражение, а именно, что в тех странах база капиталистическая, а у них социалистическая. Но ведь это пустые слова, грубая демагогия. Не ими определяется характер современной госпромышленности в СССР, а тем *фактическим положением*, которое рабочий класс занимает в этой промышленности. Рабочие — лишь наемная сила в госпромышленности большевиков. Они принимаются и содержатся на тех же принципах найма и зарплаты, что и рабочие в капиталистических предприятиях. И подобно этим рабочим, они как класс, не играют никакой *направляющей* роли в вопросе хозяйственного строительства страны.

Но допустим, что индустриализация страны, при которой СССР экономически перегонит передовые капиталистические страны, приведет к социализму, который пока что, в большевистских условиях, является неосуществленной мечтою. Вопрос все таки заключается не в этом. Сказать, что для победы социализма необходимо перевести сельское хозяйство на новую техническую базу и индустриализировать всю страну, это значит ничего не сказать. Ибо об этом в течении всего десятилетнего периода диктатуры большевиков говорилось больше, чем достаточно. Сталин сам указывает на то, что Ленин еще в сентябре 1917 г., т. е. до октябрьского переворота, высказывался в этом смысле. Позже, в 1920 г., на седьмом с'езде советов, тот же Ленин развил эту мысль более подробно. Вопрос давно заключается не в этом положении, а в том, почему, несмотря на десятилетние усилия большевистского государства, не удалось ни перевести сельское хозяйство на новую техническую базу, ни индустриализировать страну? И этого основного вопроса Сталин избежал и не без умысла: он таит в себе роковые выводы для всей системы партийной диктатуры. Этого вопроса в замаскированной форме, попытался было, на том же пленуме Ц. К., коснуться Фрумкин, но тут же был гру-

бо одернут Сталиным, который поспешил «загрызть» вопрос при общем молчании пленума.

Наиболее характерные положения, о которых заикнулся, было, Фрумкин в связи с сельским хозяйством, высказаны им в следующих утверждениях: а) «Мы не можем, говорит он, и не должны писать в печати о деградации, но внутри партии мы не должны скрывать, что это отставание (речь идет об отставании зернового хозяйства, ред.) равносильно деградации» (деградация — падение хозяйства). б) «Деревня, за исключением небольшой части бедноты, настроена против нас». в) «Установка, взятая в последнее время, привела основные массы середняков к беспросветности, к бесперспективности».

О возможности и опасности деградации сельского хозяйства высказался и Бухарин в своей статье «Заметки экономиста». Правда, Сталин, стремясь задавить Фрумкина, а вместе с ним и вопрос об упадке сельского хозяйства, поспешил заявить, что Бухарин коснулся вопроса отвлеченно, теоретически. Допустим, что это так, но это нисколько не говорит в пользу Сталина, ибо даже отвлеченный вопрос о падении сельского хозяйства должен иметь некоторое фактическое основание: с сельским хозяйством что-то неблагополучно. Писать же отвлеченные статьи о падении зернового хозяйства так себе, от нечего делать, станут разве только круглые дураки.

Есть следовательно и среди большевиков люди, начинающие сознавать, что падение сельского хозяйства находится в связи с политикой партии. Сталин, а с ним вместе и все Политбюро это решительно отвергают и застой в зерновом хозяйстве об'ясняют засухой, заморозками и другими стихиями природы. Однако, Сталин тут-же противоречит высказанному им утверждению. Он говорит о том, что задача перевода сельского хозяйства на базу крупного производства является решающей для власти большевиков. — «Либо мы эту задачу разрешим, и тогда окончательная победа обеспечена, либо мы от нее отойдем, задачу эту не разрешим и тогда возврат к капитализму может стать неизбежным явлением».

Следовательно, Сталин чувствует, что, помимо засухи, заморозков и т. д. есть еще кто-то, кто может им помешать в разрешении этой задачи. Кто же? В настоящем номере Д. Тр. мы печатаем «Письмо из глуши советской», которое проливает свет на этот вопрос. «У нас в республике идут чрезвычайно интересные процессы перестройки местных отношений»... Происходит «процесс — стихийно не поддающийся влиянию извне — перехода крестьянства на чисто потребительское хозяйство, сводящее товарность сельского хозяйства в стране в очень ограниченные рамки»... «Вопреки всем планам и твердым ценам, деревня ломает и эти планы и эти цены, строит хозяйство свое так, чтобы поменьше дать, утаить, сократить в хозяйстве, что можно от всяческих поборов. Это старая «инстинктивная» борьба».

Вот в чем дело. Не только говорят, но всеми силами пытаются большевики поставить сельское хозяйство на базу крупного производства и пока что безуспешно. В лице крестьянства они встретили орех, который крушит их зубы.

Чрезвычайно важно установить, на какой почве происходит борьба между властью и деревней. И в этом отношении письмо дает определенный ответ. Крестьянство защищает свой труд от всяческих поборов. *Крестьянство не верит в социалистичность власти.* В «Правде» от 1 августа с. г. проскользнула характерная въ этом отношении корреспонденция из Меловатской волости, Воронежской губернии:

— «Когда наступает время перевыборов или каких либо других кампаний, у нас начинают заботиться о бедноте. А как перевыборы прошли, кампания кончилась — прекратилась и работа с беднотой. Подходит новая кампания, — опять начинаются разговоры о собраниях и группах бедноты.

— Когда надо партии, тогда бедноту зовут, а когда нам чего нужно, тогда не приглашают» —

Этими словами крестьяне метко охарактеризовали «социализм» большевистской власти. И не зря крестьянство в целом и рабочие с откровенным недоверием относятся к этому «социализму».

Всякий оторванный от него кусок хлеба крестьянство считает брошенным в пасть праздного сословия — государственной бюрократии, на которое оно, очевидно, смотрит такими же глазами, какими в прежнее время смотрело на соловие помещиков и дворян. Вот почему оно не бежит на встречу «широким планам» перестройки сельского хозяйства на большевистский лад. Будучи бессильно пока бороться с гнетом государственной машины большевиков, оно берет свой путь и «скорыми шагами идет от товарного к потребительскому типу хозяйства». Фрумкин, Бухарин и др. большевики это явление и называют деградацией сельского хозяйства. Но это не деградация, а нечто значительно более серьезное и опасное для системы большевистской диктатуры. Создается хозяйственый строй в деревне, имеющий в виду обслуживать главным образом, непосредственные потребности самих крестьян.

Это огромного значения в жизни трудящихся СССР факт. В ближайшие годы он может круто повернуть все течение русской жизни и опрокинуть планы большевиков, как карточные домики. Надо думать, что последние это видят и с этим считаются. Усиленная колхозная и совхозная политика их имеет в виду, очевидно, предотвратить, или смягчить, по крайней мере, последствия происходящих в деревне процессов. Основная же линия совласти в отношении крестьянства и рабочих остается той же. Нет более наглядного доказательства того, что партия потеряла перспективы. Одиннадцать лет она твердит об индустриализации и о переводе сельхозяйства на базу крупного производства. Но ни того, ни другого нет. Имеется как раз обратное — высокая себестоимость продуктов индустрии и с'ежившееся сельское хозяйство. Казалось бы, надо отыскать причину этого явления и устранить ее. Причина же находится в самих большевиках, в их методах командования и чисто барского распоряжения трудом и правами крестьян и рабочих. Они не находят в себе силы отказаться от этих методов, от самих себя. И с упорством маньяков решают и дальше идти этим путем, хотя начинают уже сознавать, что никаких

перспектив на этом пути у них нет. Впрочем, одна перспектива вырисовывается перед ними довольно отчетливо. О ней говорит и Фрумкин и Сталин: это «возврат к капитализму», который, по словам Сталина, «может стать незибежным явлением».

Думаем, что и здесь большевики окажутся плохими пророками. Русская революция слишком тверда для зубов капитализма. А русские рабочие и крестьяне также позаботятся обойтись без милостей капитализма, как они обходились до сего времени без милостей большевизма.

П. Аршинов.

Нэп расцветает

Силы буржуазии, как деревенской, так и городской, растут в России, атаки ее все сильнее и сильнее расшатывают все крепости коммунистического «советизма». На одиннадцатом году существования «диктатуры пролетариата» гидра контр-революции выросла до огромных размеров, вошла и вросласъ в плоть и кровь самой ВКП. И естественно, что сама глубоко внутренне пораженная буржуазной гангреной, компартия не может успешно бороться ни с кулаком, ни с нэпманом. Методы диктатуры привели лишь к тому, что нэпманы и кулаки присосались ко всем порам советского и партийного организма, и нет больше в организации компартии столько здоровых сил, чтобы уничтожить всех паразитов, питающихся его соками. Развал компартии и всего советизма под напором паразитов нэпа — неизбежен.

Сейчас идет очередная чистка партии, ярко показывающая, как глубоко вросли когти нэпа в тело ВКП. Вычищаются отчасти те, кто повинен «в правом уклоне», но, главным образом, те партийцы, кто на местах *сознательно и на практике поддерживают кулаков и нэпманов*. Это явление свидетельствует значительно больше о вырождении компартии, чем существование «правого уклона». «Правый уклон», т. е. меньшевистское течение в компартии, является отражением той сумятицы, которая охватила коммунистов перед сознанием своего бессилия одним, без масс, строить социализм. Понявшие это бессилие «правые» хотят выйти честно на буржуазную дорогу. Это во всяком случае течение *идеологическое*. Но что больше подрывает изнутри компартию, что больше свидетельствует о ее развале, — это существование в ее рядах массы «коммунистов», которые на словах более всех, вероятно, кричат о своем ленинизме, а на деле поддерживают нэпманов и кулаков. Дело зашло так далеко, что такую роль играют целые организации и сейчас приходится их распускать целиком. Так, напр., буинская кантонная парторганизация казанского округа, по постановлению областной контрольной комиссии, распущена, вследствие того, что «кулаки подкупом и взяткой подчинили себе отдельные клетки аппарата». Президиум украинской партийной центральной КК постановил предложить Роменским окр. КК проверить состав партийной ячейки села Рашевки, ибо «во главе всех организаций села Рашевки находились социально-чуждые элементы, проводившие в своей работе кулацкую политику и оттеснявшие от участия в руководстве селом бедноту и батрачество. Рашевская партячейка не принимала никаких мер к замене этих чуждых элементов, а некоторые члены ячейки окулачились и срослись с классово-чуждыми прослойками села». Эта характеристика комячейки, данная самими коммунистами, подойдет к сотням организаций сел и деревень. Положение коммунистических организаций в городах не лучше. Коммунисты снюхались там со всяким контр-революционным сбродом, не говоря уже об их слабости к нэпманам. Очень показательны в этом отношении результаты чистки административного аппарата. Вычищают, конечно, «бывших дворян, помещиков, домовладельцев, разложившихся советских и партийных работников». И вот в Смоленске, после чистки заинтересовались узнать, куда делись 118 человек, недавно вычищенных. Выяснилось, что «значительная часть снятых работников, снова проникла в аппарат. Во многих случаях они занимают должности выше тех, которые они занимали до чистки». Если мы вспомним, что во главе всех административных учреждений стоят коммунисты, что это *они* приняли обратно *повысив в чине* всех выброшенных, то мы тогда только постигнем, насколько успешна борьба компартии со своими «буржуазными недугами» и насколько «коммунизм» административной головки, принявшей обратно вычищенных, лучше коммунизма тех, кто попал под карающую десницу КК. О слабости красных директоров» к нэпманам и спекулянтам мы говорили неоднократно. Мануфактура, предназначенная для кооперативов, каким то таинственным образом, часто попадает в руки частников. И никто этого об'яснить не может... и все знают правду. Но тут коммунистическим КК приходится сдерживать свой пыл: красные директора, фактически владеющие фабриками, это не коммунисты «села Рашевки». Им нельзя предложить «себя распустить». Не то, неровен час, предложат они самой КК «себя распустить». Уже лучше не будить лиха, пока лихо спит...

Но нэпманы и кулаки не довольствуются тем, что проникают во все поры партийного аппарата и под славным знаменем ленинизма прекрасно обделывают свои дела. Еще сильнее становится их атака, когда дело идет об овладении не партийным, а советским аппаратом. Борьба тогда становится уже ярко политической. Тут нэпманы и кулаки не хотят довольствоваться только «покровительством» аппарата, как это имеет место с партийной организацией, — нет, они желают овладеть этим аппаратом, сами управлять не под ложной маской коммуниста, но показывая открыто свое рыло. Из всех концов России сообщают, как лишенцы и кулаки из глухих мест приходят в административные центры, чтобы ходатайствовать о восстановлении в правах. Они приходят на собрания, где их сторонники требуют восстановления в правах «своего хорошего человека». «В некоторых местах» — сообщает «Раб. Газ.» — «под их влияние попадают сельсоветы, и бывают случаи, когда председатели сельсоветов защищают кулаков. Кулаки, часто спаивают бедняков с целью срыва собраний». Параллельно с избиркомами, на-

значенными большевиками, действует сплоченная масса кулаков и белогвардейцев. Кулаки запугивают батраков и угрозами лишить работы добиваются их пассивности на выборах. Таким образом, мы видим, что борьба за советы делается очень серьезным политическим поединком партийных ставленников и ставленников кулаков. Борьба эта беспощадная, что показывает принявшие эпидемический характер убийства селькоров и представителей властей коммунистов. И что самое характерное, местные судьи стали удивительно мягкими по отношению к убийцам селькоров. Язва коррупции, продажности и взяточничества не пощадила и суд советский, суд «классовый», «рабочий». Ржа ест железо, а нэп медленно, но верно выедает весь остов коммунистической идейности в партии и во всей советской системе и от «диктатуры пролетариата», даже так, как ее понимают большевики, скоро ничего не останется.

Для духа тления всей системы характерно сильное распространение антисемитизма. Каждый день советская печать сообщает о гнусных надругательствах коммунистов и комсомольцев над евреями. В Донбассе десятники заявляют рабочим евреям: «Эх, бить вас нельзя. Жаль, не старое время». Но несмотря на то, что теперь не «старое время», еврейских рабочих бьют, и бьют главным образом коммунисты и комсомольцы. Один старый партиец так убеждает рабочие массы: «я подчиняюсь диктатуре пролетариата, признаю верными решения партии, но ненавижу жидов и считаю неправильным, что партия не разрешает устраивать погромов». Как же реагирует «партия диктатуры пролетариата» на действия этих молодцов? Примером этому может служить следующий случай. Антисемиты, как известно, любят не только бить евреев, но и надругаться и глумиться над людьми, при условии, конечно, что эти люди беззащитны. Так, в Бобруйском округе три мастера Точилин, Гладков и Груздев на стекло-заводе «Октябрь» всячески травили работницу - еврейку Баршай. После того, как они неоднократно срывали одежду с нее и били по голому телу, или обливали ее холодной водой, — эта забава перестала их занимать. Весельчаки придумали другое. «Известия» сообщают: «В следующий раз те же три мастера схватили девушку, повалили ее на скамью и, сорвав платье, засыпали ей половые органы золой и песком. При этом истязатели орали: «Эй, комсомольцы, идите, смотрите, что мы делаем с жидовкой!» Неправда-ли, остроумная забава? Теперь, посмотрим, как реагирует на этот акт гнуснейшего насилия над человеческим телом, достойный, с точки зрения революционной этики, того, чтобы этих трех мерзавцев уложили тут же на месте, «коммунист» «красный» директор фабрики. «Известия» позаботились и об этом сообщить. *«Директор завода, узнав об этих фактах, об'явил мастерам... выговор»*. Предоставляем всем революционным, всем честным рабочим самим судить, какова цена той «революционной» партии, которая имеет таких достойных членов. Партия, допускающая в своей среде глумителей над человеком только потому, что он другой национальности, партия, оставляющая в своих рядах тех, кто антисемитизм молчаливо допускает или подстрекает к нему, партия не умеющая каленым железом выжечь эту язву на своем теле, — такая партия не только не партия класса пролетариата, борющегося за лучшее будущее всего человечества, но является старческим без'идейным организмом, уцепившимся за власть и в боязни потерять ее допускающим в свои ряды всех негодяев и подлецов, лишь бы они были за «диктатуру».

Влияние «нэпа» проникло даже в литературу и искусство. Коммунисты хотят залечить и это уязвленное место давноиспытанными средствами: «чисткой» и «лозунгами». Недуг заключается в том, что сейчас очень мало создано в области революционной литературы. Из писателей од-

Основы экономического учения анархизма

I

«Вся политическая экономия представляется нам, анархистам, в несколько ином виде, чем она понимается экономистами как буржуазного лагеря, так и социал-демократами*)», — пишет Кропоткин в одной из своих важнейших работ. К сожалению до сих пор эта мысль остается вне поля зрения не только профессоров политической экономии, но даже некоторых писателей - анархистов. Интересно отметить, что проф. Шарль Жид в своей «Истории экономических учений» в главе «Анархисты» говорит о чем угодно, вплоть до тактики анархизма, за исключением экономического учения анархизма. А между тем анархизм, действительно, имеет свое собственное экономическое учение, отличное, как от буржуазных школ, так и от марксизма. Это учение не изложено в виде курса политической экономии, а разбросано частями среди работ Кропоткина и поэтому, может быть, не каждый читатель его работ усваивает его органическую связь с учением анархизма. Мы не ставим своей задачей изложить здесь полностью экономическое учение анархизма (это нельзя сделать в нескольких небольших статьях), но имеем в виду наметить его основы и обратить внимание анархистов на то, что строить программу коммунистического анархизма нельзя без всякой связи с этим учением.

Кропоткин, прежде всего, обращает внимание на то, что все законы политической экономии всегда имеют *условный* характер. «Все так называемые законы и теории политической экономии являются в действительности ничем иным, как утверждениями, которые имеют следующий характер: если допустить, что в данной стране всегда имеется значительное количество людей, не могущих прожить

*) Кропоткин «Современная наука и анархизм», 96 стр. Под социал-демократами Кропоткин разумеет марксистов всех направлений.

ни, как Федин, делают попытки «занять нейтральную позицию в происходящей борьбе», другие, как Всеволод Иванов эволюционируют скорее «от нас», чем «к нам». Но может ли один писатель выдержать атмосферу «диктатуры» даже в литературе. Когда один из наших товарищей написал прекрасный рассказ, полный революционного пафоса о смерти одного из героев-революционеров, рассказ, вдобавок, напечатанный в советском журнале — Г. П. У. не нашло ничего лучшего, как сослать его в Соловки. Молодого талантливого юношу, подающего большие надежды, честного революционера, гноят в гиблых местах, вероятно, за то, что он недостаточно славословил коммунистов. Возможно-ли, в такой атмосфере художественное творчество, возможно - ли создавать и творить свободно, когда высшим критиком и цензором даже художественного произведения является Г. П. У.? Каким пошлым, постылым и лживым звучит большевистский «лозунг», когда знаешь их каиновы преступления над революционными писателями. Керженцев кричит: «бешеная борьба против буржуазных и мелко-буржуазных влияний в искусстве», но, эта борьба не под силу компартии, зараженной самой «буржуазными и мелко-буржуазными» влияниями. Только коммунисты, не понимающие этого, могут еще недоуменно спрашивать, как это делает некто Сутырин: «каким образом мы разрешили людям, обладающим явно непартийной идеологией носить в кармане партбилет?» Большая часть идейных коммунистов это поняла. И поэтому вполне понятны настроения в идейной части коммунистической партии. С одной стороны «правый уклон», т. е. стремление одних коммунистов капитулировать, сдать в архив «диктатуру» и честно вместе с социал - демократами вести приличную буржуазную политику. Понятны также настроения другой части компартии, желающей уйти, «хлопнув дверью», передав власть кулакам и нэпманам, чтобы не вести самим их политики. Ни то, ни другое не есть революционное разрешение вопроса. Но ни на какое революционное решение компартия больше не способна. Настроения в рядах коммунистов свидетельствуют об упадочности в их идейных рядах, о глубокой разочарованности в среде самой правящей партии методами «ленинизма» ничего, кроме отрицательных результатов не давшими. Они доказывают также, что диктатурой одной клики без самодеятельности масс, без свободы для рабочего класса и широкаих крестьянских масс, строить социализма нельзя. Монолитная компартия из'едена нэпом; как революционная организация она больше не существует. На смену ей придет новая революционная сила, цель которой сплотить трудящиеся массы для борьбы с буржуазией, для борьбы за социализм — партия Анархистов - Коммунистов.

Я. Линский.

Немножко о крестьянстве

(Письмо из глуши советской)

О теперешней деревне необходимо писать полно, необходимо дать цельное представление, чтобы и положительное (а оно, конечно, есть) и отрицательное были выявлены равно и давали то, что есть. Быть может, в будущем мне это и удастся сделать, а сейчас пока — два слова.

Последние годы судьба занесла меня в глушь советскую, что дало мне богатый материал для наблюдения: я видел, как построена и живет местная промышленность (государственная), как, в каких условиях живет и развивается кооперация всех родов (промысловая, потребительская, кредитная, лесная, сельско-хозяйственная), как

одного месяца... без того, чтобы не принять условия труда, которые пожелает наложить на них государство (под видом налогов), или которые будут им предложены тем, кого государство признает собственниками земли, фабрик, железных дорог и т. д., то последствия этого будут такие то и такие то.

До сих пор политическая экономия была всегда перечислением того, что случается при таких условиях; но она не перечисляла и не разбирала самых условий, и она не рассматривала *как* эти условия действуют в каждом отдельном случае и *что* поддерживает эти условия. И даже, когда эти условия упоминались кое-где, то сейчас же забывались.

Впрочем, экономисты не ограничивались этим забвением. Они представляют *факты, происходящие в результате этих условий, как фатальные, незыблемые законы.*

Что же каасется до социалистической политической экономии, то она критикует, правда, некоторые из этих заключений, или же толкуетъ другие несколько иначе, но она также все время забывает их, и во всяком случае она еще не проложила себе собственной дороги. Она остается в старых рамках и следует по тем же путям»*).

Таким образом, анархизм ставит под сомнение все законы политической экономии, как буржуазной, так и марксистской. Он утверждает, что многие экономические явления неправильно отмечены экономистами, другие же неправильно об'яснены ими. Другими словами, нет никаких незыблемых экономических законов, которым подчинено общественное развитие, а есть такие положения, которые определяются окружающими условиями и изменяются, с изменением этих условий.

От основных предпосылок, принятых при построении политической экономии, зависит с точки зрения интересов каких групп населения (капиталистов, промышленных рабочих, интеллигенции зажиточных крестьян и т. д.) будут изучаться экономические явления, что будет признаваться существенным и что несущественным, как будут об'ясняться явления, как при этом исследователь будет

*) Кропоткин «Современная наука и анархизм», стр. 96-97.

работают совхозы и самое основное, — не только видел, но и сам участвовал наравне со всеми крестьянами в сел.-хозяйственной жизни деревни. Все воздействие теперешнего города — и политческое и экономическое и всякое другое, — я мог испытывать непосредственно на себе, и тем чувствительнее, что я-то все таки человек города с его привычкой мыслить, критиковать, сравнивать.

Перед нами проходит огромный исторический опыт с постройкой государства нового типа, с невероятным давлением сверху. Несмотря на ряд ошибок, неправильностей, а подчас и издевательства над здравым смыслом, и рабочий и крестьянин ни на йоту не отошли от Октября. Завоевание земли, фабрик и заводов — это основное. За это будут драться и никому не уступят раз уже взятое. У всех в республике страстное желание выйти из нужды, отсталости, некультурности и кошмарно тяжелых условий жизни. Крестьянин, не читая газет, отлично знает все, что кругом него происходит и в особенности, что его и его хозяйства касается. Отсутствие дорог, связей делает деревню распыленной, но она отлично знает состояние крестьянского хозяйства в стране и отношение к нему власть имущих. Вот почему вопреки всем планам и твердым ценам, деревня ломает и эти планы и эти цены, строит хозяйство свое так, чтобы поменьше дать, утаить, сократить в хозяйстве, что можно от всяческих поборов. Это старая, «инстинктивная» борьба.

И вот, сейчас, прослушав по радио речь одного из власть имущих на торжественном собрании по случаю 11-ти летней октябрьской годовщины, я подумал: кого они надувают, говоря о колхозах и совхозах, долженствующих перевернуть деревнъю? И колхозы и совхозы дают едва 2-3% всей продукции сдаваемой деревней; деревня быстрыми шагами идет от товарного к потребительскому типу хозяйства. Сел.-хозяйственных продуктов в стране не хватает и т. д.

Унас в республике идут чрезвычайно интересные процессы перестройки местных отношений, чего нет нигде в мире. Я чутко прислушиваюсь к вашим мыслям и словам и вижу, что вы из своего далека не видите глубинных процессов, не видите крестьянской жизни. И я очень боюсь, что анархисты в свое время разобьют себе лоб на крестьянском вопросе, как то случилось с большевиками. Думали ли вы о том, что за 10 лет народилось 9 миллионов крестьянских хозяйств, и из 16 миллионов их стало 25 миллионов? Вдумались ли вы в этот процесс, стихийный, не поддающийся влиянию извне — перехода крестьянства на чисто потребительское хозяйство, сводящее товарность сел. хозяйства в стране в очень ограниченные рамки, ставящие под угрозу промышленность, работающую на сел.-хозяйственном сырье? Знаете ли вы о сел.-хозяйственной кооперации, о том огромном значении, какое могла иметь она в деревне, и причинах, тормозящих ее правильное развитие? Обо всем этом (а это у нас фундамент) вы там ни звука! Или до нас не доходят эти звуки?

По странной иронии судьбы (что ли) в 11-ую годовщину сижу в ссылке с крепко сжатым ртом. Невольно встают в памяти Замоскворечье, решение московской федерации анархических групп выступить в эту ночь; с'езд вооруженных рабочих из окраин к Московскому Совету; первая перестрелка двинского анархического полка во главе с Федотовым у городской думы; заседание ревкома; захват типографии и экстренный выпуск на утро газеты «Анархия». Вести из Питера, бессонные ночи напролет. Была такая же грязь, как и сейчас, и мы, в трудные 6-7-й дни революции, вели привезенные войска из Владимира к Московскому Совету на выручку. Типографию нашу юнкера разгромили, наших забрали. Темно. С

оценивать условия того общественного строя, в рамках которого эти явления имеют мест и т. д. Здесь все условно от начала до конца.

Так, одной из наиболее распространенных среди экономистов условностей является так называемая «гипотеза экономического человека» т. е. предположение, что человек в своей хозяйственной деятельности руководится только экономическими мотивами. А между тем, это не совсем верно относительно капиталистов и совсем не верно в отношении рабочих и крестьян. Если бы капиталисты руководствовались одними только экономическими мотивами, то, во-первых, они не заботились бы о накоплении богатств (обеспечив свое существование, каждый капиталист говорил бы — после нас хоть потоп), а во-вторых — не тратили бы средств на роскошь и на удовлетворение других потребностей, не имеющих отношения к хозяйственной деятельности. Кропоткин считает, что человек в своей хозяйственной деятельности руководствуется вовсе не эгоистическим стремлением побольше получить и поменьше дать, а стремлением к удовлетворению возможно большего круга потребностей и развития возможно большего числа его способностей.

Основной предпосылкой политической экономии анархизма является учение о том, что в основе всякой деятельности человека, в том числе и хозяйственной, лежит *стремление к удовлетворению потребностей и развитию способностей*. Отсюда Кропоткин делает вывод, что «наука политической экономии должна быть построена совершенно иначе. Она должна быть поставлена, как естественная наука, и должна назначить себе новую цель... Она должна стать *физиологией общества*. Она должна поставить себе целью изучение все растущих *потребностей* общества и различных *средств*, употребляемых для их удовлетворения. Она должна разобрать эти средства и посмотреть, насколько они были раньше и теперь подходящи для этой цели... она должна изучить способы лучшего удовлетворения всех современных потребностей, способы получить с наименьшей тратой энергии (*с экономией*) лучшие результаты для человечества вообще.

Отсюда понятно, почему мы приходим к заключениям, столь отличным в некоторых отношениях от тех, к которым приходит большинство экономистов, как буржу-

Курского вокзала мы шли до Сухаревой башни, а тут на брюхе ползли; ползли по грязи и солдаты, молчаливые, но знающие чего они хотят, винтовками, зажатыми кр[illegible] в руках. А с церкви гремел пулемет — мы проходили опасный участок. И этот шумный Московский Совет, возбужденные лица, суета и день и ночь, телефон, новости, буханье тут и там, тут же раненые, убитые, тут же столовая, банки с консервами, тут же раздача оружия, патронов, вести с окраин, то тревожные, то радостные; неожиданные выстрелы в совет, с броневика вражеского, откуда то попавшего на Дмитровку — паника: одни бегут, а другие уже наладили пулемет и «жарят» в ответ. Никитская горит... А впрочем... 11 лет. Одиннадцать лет назад, ведь это было. Сейчас мы выпихнуты на задворки жизни. Мы «лишние» там... сегодня!! За окнами ночь. Тишина и слякоть. Молчит лес. Тишину разорвал свисток завода. Едкий запах, пылающие печи, чумазые люди. Новые люди творят новые дела; строят новую жизнь, крепко уцепившуюся корнями за октябрь.

Дикий.

Организационная проблема

(Продолжение)

В чем же причины нашей дезорганизованности, неясность которых создает некоторый разнобой в подходе к решению организационных задач нашего движения?

Отсутствие в наших рядах правильного, ясного и законченного представления о роли и задачах, я бы сказал, о социально-политических и организационных функциях и обязанностях анархического движения — активного идейного меньшинства — в революционной классовой борьбе трудящихся за свое освобождение и является, наряду с другими, основной главной причиной практической дезорганизованности и распыленности наших рядов. У нас, правда, было, — но только слишком общее, представление о роли — нас — анархистов, — о роли, так называемого революционного инициативного меньшинства в революции, в общественном развитии, в прогрессе человеческого общества, вообще и т. д. Все это не так плохо, и не совсем неверно, но все это слишком недостаточно. Это, опять таки, лишь только общие указания, общие идеи и рассуждения, в духе которых должны решаться эти вопросы, но еще далеко не само решение их. Вопросы стратегии и борьбы, идейного руководства этой борьбы, вопросы о классах, партиях, вождях и массах, не были достаточно разработаны. У нас не было ясного понимания взаимоотношения этого самого активного, *идейного* анархического меньшинства с *социальным* фронтом труда и с его боевыми классовыми организациями. Мы себе достаточно ясно не представляли, а подчас, и вовсе неправильно понимали нашу роль и место в революционной классовой борьбе трудящихся, наше отношение к различным формам этой борьбы и т. д. Еще более туманно и путанно представляли мы себе нашу роль и задачи на второй день социальной революции. Короче говоря, мы себе, по настоящему, не уяснили, *чем мы должны быть*, какие задачи и обязанности мы должны выполнить. А без ясного понимания всех этих вопросов, разумеется, не могло быть надлежащей организации наших сил, ни обще-анархического движения, ни отдельных его групп и течений. Без этого не мог быть создан крепкий здоровый партийный организм. Не могло быть единой организационной формы движения.

Ни один общественный организм, ни один «винтик» в любых областях общественно - хозяйственной жизни и производственного процесса не способен к четкой, согла-

---

азных, так и социал-демократов*); почему мы не признаем «законами» некоторые соотношения, указанные ими; почему *наше изложение* социализма отличается от ихнего; и почему мы выводим, из изучения направлений развития, наблюдаемых нами действительно в экономической жизни, заключения, столь отличные от их заключений относительно того, что желательно и возможно**)». Буржуазные экономисты приходят к выводу о незыблемости устоев капиталистического строя, марксисты приходят к выводу о неизбежности установления государственного социализма на основе наемного труда, а мы приходим к выводу о неизбежности торжества анархического коммунизма.

Таковы следствия, получившиеся в результате изменения основных предпосылок политической экономии.

II

Коренное расхождение между буржуазной и марксистской политической экономией — с одной стороны, и анархической — с другой, имеется почти по каждому основному вопросу. Краеугольным камнем буржуазной политической экономии является учение о разделении труда, перешедшее и в марксистскую политическую экономию. Адам Смит учит, что, во-первых, при разделении труда, каждый человек лучше знает свою специальность, во-вторых, при упрощении операций облегчается возможность всяких усовершенствований и, в-третьих, при занятии одним и тем же трудом, человек не делает перерывов в работе для перехода от одного занятия к другому и, следовательно, *больше производит*, поэтому. Как на пример выгодности разделения труда, Смит указывал на производство булавок: в то время, как ремесленник не может один сделать целиком и двадцати булавок, десять рабочих, выполняющих 18 простых операций, причем каждый специализируется на одной или двух простых операциях, когда один тянет проволоку, другой выравнивает ее, третий обрезает, четвертый заостряет, пятый обтачивает конец для насадки булавки и т. д., — в течение рабочего дня производят около 12 фунтов булавок (в каждом

*) Кропоткин имеет в виду всех марксистов.

**) Кропоткин «Современная наука и анархизм», 97 и 98 стр.

сованной, организованной работе без ясного понимания, без точного определения задач, функций и обязанностей, своего места в этом совокупном процессе, своих взаимоотношений с окружающей средой и т. д. и т. п. Без этого необходимого условия, всякая работа, будет носить характер хаотического метания разрозненных, зачастую противоречивых или индивидуальных действий, наносящих вред общему делу. Это положение тем более верно, когда речь идет о партии, о движении идейного революционного меньшинства, которое стремится стать застрельщиком, инициатором, идейным руководителем или, что точнее, обслуживать идейно-организационную сторону революционной борьбы трудящихся за свое освобождение.

Таким образом, современное состояние недостаточной оформленности и неудовлетворительной разработанности некоторых вопросов общей всем нам идеологии анархического коммунизма — отсутствие ясного конкретного представления о путях борьбы за коммунизм, отсутствие положительной программы действия, программы практических, организационных и конструктивных задач социальной революции с одной стороны и туманность, расплывчатость, а подчас и неправильность понимания роли, задач и места анархического движения в революционной классовой борьбе трудящихся, с другой, — и является главнейшими решающими причинами внутрипартийного кризиса. Эта слабая сторона нашего движения, которую особенно резко выдвинула перед нами русская революция — явилась той почвой, на которой произрастала разноголосица и множественность течений в нашей среде. Она также обусловила собой практический разброд, дезорганизованность, безсилие, и отсутствие организационных начал в наших рядах. Однако, во избежание недоразумений и неправильного толкования, нужно оговориться.

В этом вопросе необхдимо различать две вещи. Не основные идеи и принципы анархического коммунизма, не наша система взглядов в основном «не удовлетворяет», «недостаточна», не способна служить базой для обеспечения идейного единства. Нет, не в этом дело. В этом смысле мы сейчас сильны и правы, как никто и никогда. Дело только в недостаточной разработанности и пока еще не совсем удовлетворительном решении некоторых, гл. образом, конструктивных, тактических и организационных вопросов нашего движения. Эти две вещи, эти слабые и сильные стороны идеологии необходимо помнить и уметь различать. Этот анализ причин нашего внутрипартийного кризиса, нашей болезни дает как бы ключ к решению организационной проблемы, в широком смысле слова; в смысле оздоровления, идейного и организационного единства всего анархического движения. (А ведь только такая широкая постановка этой проблемы для нас и важна). Разработка, оформление нашей идеологии плюс организованность, которая, благодаря этому оформлению обретает свою душу и почву, станет жизненно возможной, — повидимому и есть формула решения организационной проблемы. Повидимому, до тех пор, пока все эти, гл. обр., теоретические и в конечном счете и практические вопросы не будут решены, не приходится расчитывать на то, чтобы анархическое движение стало жизнеспособным, единым, организованным; было бы в силах выполнить ту роль, к которой оно исторически призвано. Энергичная, положительная разработка всех этих вопросов повидимому и должна создать необходимые предпосылки для полного оздоровления, идейного и организационного единства наших рядв. Однако, эта теоретическая, в общем правильная постановка вопроса недостаточна, еще не дает все необходимое для решения организационной проблемы; не ставит решение ее на практические рельсы. Такая постановка была бы слишком голо-теоретической, без учета того фактического положения, дифференциации, раздробленности и прочее, к которому пришло анархическое дви-

---

фунте более 4 тыс. штук). Все общество Смит рассматривает, как огромную мастерскую, где каждый работает по своей специальности и все работают друг для друга.

Принцип разделения труда глубоко проник во всю хозяйственную жизнь народов и поэтому мы видим, что трудящиеся разделены на работников умственного труда и физического; работники физического труда, в свою очередь разделены на земледельцев и промышленных работников, причем последние подразделяются на множество мелких специальностей. Кроме того, народы в свою очередь разделяются на промышленные и земледельческие, и экономисты хотят, чтобы каждая страна имела свою специальность. «Раз экономисты решили, что богатство народов измеряется величиной прибыли, получаемой немногими, и что наибольшая прибыль получается при специализации труда, им и в голову не приходит вопрос, —будут ли люди постоянно подчиняться такой специализации? И могут ли нации быть специализированы, подобно отдельным работникам*)»? — говорит Крапоткин. И он делает отсюда вывод, что вся «современная экономическая жизнь... *строится на ложных основаниях***)».

Благодаря разделению труда и вытекающей из него специализации на всю жизнь, трудящиеся делаются более зависимыми от владельцев орудий и средств производства. Кроме того, однообразие работы притупляет их способности, а труд превращается в каторгу. «Ремесленник-художник, находивший художественное наслаждение в произведении своих рук, заменен теперь живым рабом, сотоящим при железном рабе***)», — говорит Кропоткин. Порожденное погоней капиталистов за прибылью, стремление к разделению труда наталкивается на противодействие со стороны тех, кого принижает и гнетет узкая специализация труда. «По мере того, как работа становится проще и легче усваивается, она также делается все более и более однообразной и скучной, и у рабочих появляется настоятельная потребность разнообразить свою деятельность и искать случая применить к делу все

*) Кропоткин «Поля, фабрики и мастерские», 11 и 12 стр.

**) Крпоткин «Речи бунтовщика», 343 стр.

***) Кропоткин «Поля, фабрики и мастерские», 12 стр.

жение еще в результате своего развития. Эта постановка вопроса была бы достаточна и привела бы нас к цели в том случае, если бы анархическое движение не имело своей истории, своих традиций, группировок, фракций; если бы оно только начинало жить, только открывало бы первую девственную, никем еще неисписанную страницу внутрипартийного положения. Но в условиях настоящего, исторически сложившегосоя, внутри-партийного положения, когда мы имеем в наших рядах огромное множество различных групп, направлений и течений с определенно сложившимися, зачастую противоречивыми взглядами и мнениями на различные вопросы теории и практики и организации, — в таких условиях наша задача несколько усложняется, приобретает некоторую другую сторону, становится шире. Дело, повидимому, не только в разработке и оформлении нашей теории и практики. Дело не только в том, что всем нам в этой области чего то не достает (идейного оформления и организованности), но еще и в том, что внутри нашего движения, как в области теории, так и организационной практики, есть что-то такое, что затрудняет решение нашей задачи и *что необходимо преодолеть*.

Таким образом, теоретическая задача, в которую, главным образом, и упирается организационная проблема в ее широком понимании, как в необходимую предпосылку для своего подлинного разрешения, — имеет две стороны. Не только положительную, в смысле уяснения, конкретизации и разрешения ряда вопорсов, как тактических и конструктивных в борьбе за коммунистическое общество, так и в понимании роли и задач революционного анархического меньшинства в классовой борьбе трудящихся, —но и другую негативную сторону этой задачи. Критическое преодоление различных ошибочных взглядов, необоснованность теоретической враждебности и искусственной организационной обособленности, критическое преодолоение прочно засевшей в наших рядах упорствующей фракционности. Вот та другая политико-теоретическая и практическая сторона, стоящей перед нами задачи. Из этого следует, что решение некоторых теоретических задач, которое создаст необходимые *предпосылки* для правильного решения организационной проблемы, нужно вести, параллельно, с двух концов. Положительная разработка нашей программы и решение некоторых принципиальных вопросов нашей теории и организационной практики — одним словом, оформление нашей идеологии на ряду с большой критической раз'яснительной работой в наших рядах. Без этой предварительной параллельной работы, без того, чтобы вдребезги разбить, вырвать с корнем раз'единяющую нас фракционность, мы едва ли сможем исчерпывающе решить стоящую перед нами организационную проблему.

Андрей Бородин.

(Продолжение следует).

Анархо-синдикализм или синдикальний марксизм?

О газете «Освобождение Профсоюзов»

Под таким названием в Париже вышла газета — «орган коллектива русских рабочих анархистов и анархо-синдикалистов» (№ 1, ноябрь, 1928 г.). В передовой статье газеты сказано, что в колектив, издающий газету, «входят также и анархисты - коммунисты, сторонники политических анархических организаций».

Обыкновенно, когда в каком-либо политическом течении появляется новая, «своя» газета, выход ее приветствуется.

свои способности. Человечество приходит к сознанию, что обществу вовсе не выгодно приковывать человека на всю жизнь к одной точке в руднике или мастерской, лишая его такого труда, который мог бы привести его к свободному общению с природой и сделать его сознательной частью великого целого, — участником в наслаждении наукой, искусством, независимым трудом и творчеством»*). — — говорит Кропоткин. Об этом свидетельствует недовольство фабрикой среди рабочих и развитие кустарных и иных промыслов, среди крестьян.

Кроме того, «нации тоже отказываются специализироваться**)», — замечает Кропоткин. «Географическое распределение различных производств в большинстве случаев несомненно зависит от суммы природных условий страны... Но мы должны признать, что в настоящее время они вовсе *не распределены* согласно этим условиям. Исторические причины, в особенности религиозные войны и национальное соперничество, влияли в сильной мере на их развитие и современное распределение; а еще более того условия продажи и вывоза, т. е. те условия, которые уже теряют отчасти свое значение, благодаря постоянно увеличивающимся удобствам перевозки товаров,и которые еще более потеряют значение, когда производители будут работать на себя, а не на далеких потребителей***)». «Все народы стремятся к тому, чтобы развить у себя свою обрабатывающую промышленность и все постепенно достигнут этого»*), — говорит Кропоткин.

Процесс *децентрализации промышленности* становится особенно сильным в XX веке. Сто лет тому назад главным центром мировой промышленности была Англия. Однако, с той поры промышленность стала развиваться во всех странах и Англия потеряла совсем свое монопольное положение. Выше ее промышленности стоит промышленность Германии и Соед. Штатов, и не ниже ее — во

*) Кропоткин «Поля, фабрики и мастерские», 13 стр.
**) Кропоткин «Поля, фабрики и мастерские», 13 стр.
***) Кропоткин «Поля, фабрики и мастерские», 189 стр.
*) Кропоткин «Речи бунтовщика», 345 стр.

Увы — в данном случае мы лишены этой приятной обязанности. Жесткие потребности нашего движения накладывают на нас иную обязанность, суровую обязанность критики.

Никому, конечно, не возбраняется создавать новую газету и искать сторонников ее. Однако, газета, выходящая под именем социального движения, должна удовлетворять известным требованиям этого движения.

Анархическая практика последних лет установила, по нашему, два условия, которым должна отвечать всякая, вновь выходящая анархическая газета: а) газета должна отвечать спросу на нее в анархической среде; б) издатели газеты должны иметь отчетливое идеологическое лицо, должны выдвигаемые ими практические лозунги обосновать идеологически и теоретически.

Мы находим, что этим условиям газета не отвечает. Она и не может им отвечать, в виду смешения в газете двух различных идеологий и в виду смешения двух различных практических программ. Ниже мы покажем это смещение и эту невозможность.

Обратимся вначале к идеологической стороне газеты. Цель газеты, как пишет ее передовая, — проповедывать идею освобождения профсоюзов от государства, а также — от политических партий. — «Через освобождение профсоюзов от государства, через их независимость от политических партий, к борьбе профсоюзов против частного и государственного капитализма, к завоеванию профсоюзами всех областей общественной жизни!» — Вторая статья № 1 газеты заканчивается следующими лозунгами: «За свободные боевые профсоюзы! За захват ими заводов и фабрик! За профсоюзный строй»!

Приведенные нами лозунги являются практической программой газеты. Но где же **иделогическое** обоснвание этой программы? Захват профсоюзами заводов и фабрик явится только деталью нового **социального строя,** особенно такой страны, как Россия. Но допустим, что «профсоюзный строй» выдвигается, как основной лозунг борющегося пролетариата. Остается все таки вопрос, на каких же принципах будет сооружен этот профсоюзный строй. Ибо идею профсоюзного строя разные люди по разному толкуют. «Рабочая оппозиция» в ВКП, возглавлявшаяся некогда Шляпниковым и Коллонтай, то же что то говорила о профсоюзном строе, разумея под ним формальную диктатуру профсоюзов, **руководимых** партией ВКП. Надо думать, что «профсоюзный строй» Шляпникова и Коллонтай мало чем отличался бы от нынешнего «социалистического строя» Сталина-Бухарина. Ибо, несмотря на название, идея диктатуры при этом строе все таки сохранялась бы, — диктатура в отношении крестьянства, в отношении всех прочих (т. е. некоммунистических) политических партий. Только возглавлялась бы эта диктатура не Ц. К. партии большевиков, а Ц. К. Профсоюзов (правда, только **формально,** фактически же, находилась бы в руках Ц. К. партии). Шляпников это отлично понял некоторое время спустя, поэтому то он так легко отрекся от своей «рабочей оппозиции», увидя, что, собственно, нет из за чего ссориться с партийным начальством и навлекать на себя его гнев.

Так вот, — как же обстоит дело с идеей диктатуры в профсоюзном строе, который проповедует «Освобождение Профсоюзов»? Какая система будет внутри профсоюзного строя — централистическая или федералистская? В какие отношения встанет профсоюзный строй к крестьянству? Каков принцип распределения продуктов потребления?

Все это следует раз'яснить и раз'яснить сразу же ,в 1-м номере газеты. Ибо, повторяем, выставленные практические лозунги могут толковаться по разному. Кроме того, в газете есть отдельные лозунги, вызывающие еще большее недоумение. Так, на стр. 5, в виде небольшого аншлага напечатано: «Товарищи рабочие! Есть ли в России **диктатура пролетариата?** Вы-ли управляете производством? Вы-ли проверяете хозяйственников? Вводятся ли в жизнь ваши производственные предложения?» Читаешь это, а в ушах невольно звенят фразы троцкистской оппозиции, обвинявшей большинство пар-

---

Франции. В последние годы усиленно развивает свою промышленность Италия. Япония тоже выдвинулась в число промышленных стран. Индия поддерживает свою промышленность в ущерб для Англии. Даже такие страны, как Бразилия, Мексика, Аргентина, и те вступают на путь промышленного развития, ослабляя свою зависимость от рынка других стран. Факт *последовательного развития народов,* сопровождаемый децентрализацией отдельных стран, теперь не подлежит оспариванию.

Таким образом, «потребности человеческих обществ совпадают с потребностями каждой отдельной личности; и хотя *временное* разделение труда остается пока вернейшей гарантией успеха в каждом отдельном предприятии, тем не менее *постоянное* разделение должно исчезнуть и замениться разнородною деятельностью: умственной, промышленной, земледельческой, соответственно разнообразным способностям отдельных личностей и различных народов.

... Настало время обратиться к той выгоде, которая происходит от *интеграции труда,* от его об'единения. До сих пор политическая экономия знала только *разделение труда,* мы же настаиваем на его *об'единении:* на том, что идеалом общества (т. е., к чему оно уже стремится), — является такое общество, где каждый трудится и умственно; где способный к труду человек работает в поле и в мастерской; ведь каждая нация и каждая область, располагая разнообразием природных сил, сама производит и потребляет большую часть своих продуктов земледелия и промышленности*)».

Кропоткин учит, что «первое основание всякого дальнейшего развития и прогресса общества есть *разнообразие занятий,* которое... представляет расширение свободы личности и дает возможность «расширить свои личные способности во всех направлениях**)». Кроме того, — пишет он, — «мы утверждаем также, что всякая попытка социалистов преобразовать современные отношения между капиталом и трудом потерпит неудачу, если не примет в соображение упомянутое сейчас стремление к интеграции, которое, по нашему мнению, не привлекло еще к се-

*) Кропоткин «Поля, фабрики и мастерские», 14 стр.

**) Кропоткин «Современная наука и анархизм», 142 стр.

тии в том, что в Росси нет настоящей диктатуры пролетариата, что рабочие не проверяют хозяйственников, что их производственные предложения не вводятся в жизнь и т. д., и т. д. Странно слышать эти типично оппозиционные лозунги из уст газеты, именующей себя «органом анархистов и анархо-синдикалистов». Ибо согласно минимальной **анархической** программы, дело рабочего класса — не проверять хозяйственников (правительственных агентов в производстве), а вышвырнуть их вон из производства, не предлагать (власти предержащей?) свои производственные планы, а своей революционной волей осуществлять их на деле, и, наконец, не огорчаться отсутствием в России диктатуры пролетариата, а стремиться к свободе и независимости рабочих классов, как социальных категорий. Может быть, газета думает, что к этой свободе и независимости рабочие классы могут придти все таки только через диктатуру пролетариата. Ну, это дело другое. Но тогда, во избежание недоразумений и ненужных упреков, следует об этом ясно сказать.

Далее. Передовик газеты говорит о «независимости профсоюзов от политических партий». Здесь высказывается традиционная идея старого синдикализма: синдикализм самодовлеющ и превыше всего. В свое время, в годы расцвета рев. синдикализма во Франции, это положение было господствующим. Но господствовало оно до поры до времени, — пока в революционном синдикализме пребывали гл. образом анархисты и пока другие политические партии не обратили на разросшийся синдикализм своего внимания. Как только они устремились в это движение, началась **борьба идеологий** внутри рабочего класса и победителями из этой борьбы вышли те, кто действовал наиболее сплоченно, наиболее организованно, — победителями вышли оппортунистические социалисты, увлекшие за собой основную массу Всеобщей Конфедерации Труда во Франции, и коммунисты, в свою очередь утащившие за собою ряд боевых профсоюзов. Анархисты, несмотря на то, что они были основоположниками революционного синдикализма и душою этого движения, остались не при чем, у разбитого корыта. Произошло это, гл. образом, потому ,что анархисты работали в синдикатах, не как политическая организация, а как одиночки-кустари, не имевшие, притом, одного общего мировоззрения, единой тактической и политической линии. Но одиночки, сколько бы ни были они талантливы и преданы движению, не в состоянии продолжительное время влиять на движение; они неминуемо будут оттеснены хорошо организованным партийным коллективом, имеющим общую программу и тактику и ведущим преемственную и согласованную работу как в синдикатах, так и вне синдикатов. Это и случилось с французскими анархистами, оказавшимися за бортом движения ими созданного.

В том же — первом номере газеты — помещена статья о «Нынешнем положении французских профсоюзов» Пьера Бэнара, видного работника революционного синдикализма во Франции. В своей статье Пьер Бэнар указывает на причины распада некогда единого французского революционного синдикализма. В числе главных причин он приводит, во первых, идею «Священного Единства», т. е. единение классов, «проведенное в каждой стране во время войны, под покровительством правителей». Это «Священное Единство, по признанию Пьера Бэнара, привело к «тесному сотрудничеству хозяев и рабочих организаций». Второй причиной он выставляет успех коммунистических партий на Западе, которые, по указу Коминтерна, подчинили себе революционные профсоюзы. Тов. Бэнар, сам того не замечая, целиком подтверждает наше положение о революц. синдикализме, как о движении, беспрестанно находящемся под влиянием то одной, то другой идеологии. Если он в годы империалистической войны подпал под влияние буржуазной идеологии (сотрудничество классов ради защиты нации), то только потому, очевидно, что подлинно пролетарская, анархическая идеология, занимала в его рядах слабое место. Если, далее, коммунистическая партия подчинила себе революционное крыло профсоюзов, то опять таки

бе должного внимания. Преобразованное общество... должно будет найти средства сочетать земледелие с промышленностью и ремеслами и позаботиться об интегральном образовании... Каждый член общества — работник и в поле, и в промышленности. Каждый соединяет в себе научное знание со знанием ремесла — таково, утверждаем мы, современное стремление у цивилизованных народов**)».

Таким образом, принцип интегрального труда составляет основу экономического учения анархизма и центральный пункт анархической программы. К сожалению, не только анархисты, но даже и сам Кропоткин, придавали недостаточное значение вопросам интеграции труда и поэтому, во всех опытах анархического строительства они не нашли соответствующего отражения. А между тем, на двенадцатом году, после октябрьской революции, со всей очевидностью обнаруживается невозможность уничтожения классов без проведения начал интеграции труда.

Поэтому, на будущее время необходимо заострить этот пункт в нашей программе и проработать его самым тщательным образом. Иначе у нас по прежнему будет разрушение преобладать над творчеством и анархисты, обычно являющиеся инициаторами стачек и восстаний, будут таскать каштаны из огня для других партий, ясно представляющих себе, чего они хотят и каким способом можно достичь желаемой цели. В русской революции анархисты не сыграли той роли, какую могли сыграть, благодаря неразработанности экономической части программы: в первые недели после Октябрьской революции анархисты могли делать все, что хотели, но они не знали чего им хотеть. Сильные в разрушении, они были бессильны в творчестве. Наши коммуны были лишь разновидностью кооперативного движения и к достижениям кооперации ничего нового не прибавляли. А то новое и своеобразное, что мы могли бы внести — это принцип интеграции труда — не было усвоено самими анархистами.

В. Худолей.

(Окончание следует)

*) Кропоткин «Поля, фабрики и мастерские», 14 и 15 стр.

потому, что идейное влияние анархистов было слабым в этом крыле. Ведь не силой же, не с помощью полицейских французская компартия подчинила революц. синдикализм своему идейному и политическому влиянию.

Революционный синдикализм мог самодовлеть, жить сам по себе, лишь в те годы, когда преимущественно шла борьба за частичные улучшения рабочего класса, когда социальная революция стояла в программе лишь одного анархического движения. Теперь она началась и невольно заставила примкнуть к себе ряд других течений. Но в виду того, что сама социальная революция имеет двоякое обоснование — марксистское и анархическое, — рабочий класс **неминуемо** будет разрываем на две стороны. Ибо участвовать в соц. революции, не примыкая ни к тому, ни к другому мировоззрению, невозможно. Совершать социальную революцию и творить новый социальный строй можно либо государственническим путем, либо — безгосударственическим. Третьего не дано никому, в том числе и революционному синдикализму.

Синдикальная проблема не может быть решена без решения идеологической проблемы. А последняя, т. е. идеологическая проблема, может быть разработана и решена не в процессе механического фабричного труда, а в процессе идейного, умственного искательства новых форм жизни. Этим искательством будут заниматься исключительно труженики, это необходимо, но заниматься они им будут, **сойдясь на идеологической базе,** при том по склонности к тому или иному мировоззрению, к той, или иной идеологии. Это и составит идеологическую (анархическую) организацию внутри рабочего класса, а также внутри синдиката, ту организацию, над созданием которой бьется последние годы анархическое движение. Издатели же «Освобождения Профсоюзов, отстаивая принцип — синдикализм самодовлеющ, — отбрасывают идею таких организаций. Куда же они хотели бы направить рев. синдикализм? К каким берегам? К профсоюзному строю? Но выше мы видели, что лозунг этот слишком расплывчат и страдает смешением идеологий. Чего в нем больше — анархо-синдикализма или синдикального марксизма — трудно установить.

Мы видим, таким образом, что газета не имеет отчетливого анархического обоснования своих практических лозунгов. Тем самым она не оправдывает свой выход. Когда т. Лазаревич, оффициально представляющий эту газету, писал статьи по рабочему и профсоюзному вопросам в «Деле Труда», статьи его имели определенное анархическое значение. Они являлись одним из зубов в общей анархической челюсти. Ибо были связаны со статьями журнала, имевшими строго принципиальное анархическое обоснование. Уйдя из «Дела Труда», он потерял необходимую идеологическую базу. Статьи его лишились анархического освещения и вместе с революц. синдикализмом , отрываемым им от анархизма, превратились в какой то выпавший из общей челюсти зуб. И это закономерно. Всякому работнику анархизма, сколь бы ни был он способен, грозит опасность играть роль выпавшего зуба и путаться между сторонами, если он оторвется от основного нерва анархического движения, от насущнейших практических задач этого движения.

В заключение — два слова о газете с точки зрения организационной ответственности. У нас много говорилось за последние годы о том, что необходимо повести борьбу с организационным хаосом, с распылением наших сил и т. д. Анархическая мысль последних лет начала сходиться на том, что необходимо **группировать,** как анархические ряды, так и анархическую прессу. Ибо распыление анархических рядов и анархической прессы, **качественно понижает** то и другое.

И вот, как бы в пику этой выстраданной нашим движением мысли, отдельным коллективом создается газета, **без всякого к тому основания.** Какая ее задача? Проповедывать освобождение профсоюзов от государства? Но разве какая бы то ни было анархическая газета не имеет перед собой эту задачу? Разве «Дело Труда», например, не бьется над уничтожнием партийной диктатуры над рабочим классом? Не работает над задачей перенятия трудящимися от государства всех социально и экономически полезных функций? Работает, притом с большим размахом, на широком анархическом основании.

Так в чем же дело? Для чего надо было **частичную проблему** о профсоюзах выделять из общего анархического органа и создавать ради нее новый орган? Необходимости и пользы этого мы не видим. За то вред для движения явственно намечается. Вред прежде всего в том, что оторванная от анархической программы и от анархического органа профсоюзная проблема искажается, извращается, что мы доказали, рассмотрев практические лозунги газеты. Вред, затем, в том, что новая газета поведет к распылению материальных средств и литературных сил движения, и без того слабого, еле справляющегося с насущными задачами дня.

Возможно, что противоречия и идеологическая неразбериха газеты об'ясняются неумением авторов построить анархическую газету. Это можно допустить и понять, ибо построение выдержанной анархической газеты дело сложное и нелегкое. Но возможно также, что издатели газеты сознательно стремятся встать на особый от анархизма путь.

Все это грубейшим образом попирает идею организационной ответственности в нашем движении. Если группа «Освобождение профсоюзов» искренне желает служить анархизму, то ей необходимо отказаться от осужденного индивидуалистического навыка: «что хочу, то и ворочу», и войти в **существующее** анархическое движение, вместо того, чтобы организационно дробить и материально распылять его.

Если же она имеет свои особые пути и свои особые задачи, то об этом ей следует открыто и понятливо сказать.

П. А.

Воззванiе международного товарищества рабочих

Пролетариту всего мира!

Товарищи!

Боритесь за освобождение Радовицкого!

14- го ноября исполнилось 18 лет, как Симон Радовицкий заживо погребен в адской Усуапа, на Огненной Земле. Радовицкий — одна из самых благородных фигур международного пролетариата. Для аргентинских рабочих он является мучеником, который перенес нечеловеческие страдания и еще продолжает нести их.

Кто такой Симон Радовицкий?

Первомайская демонстрация в Буэнос-Айресе была в 1909 году кроваво подавлена. Полиция без разбора стреляла в манифестантовъ - рабочих, убила 8 и ранила

105. Командующим полицейских частей был полковник Фалкон. Это он был ответственен за пролитие крови.

Рабочие масы Буэнос-Айреса должны были реагировать на это кровавое избиение. Молодой русский революционер, 19 лет, Симон Радовицкий взял на себя тяжелую задачу отомстить за невинно убитых пролетариев. Он убил подлого убийцу Фалкона, был схвачен и приговорен к вечной каторге.

С тех пор Радовицкий находится в камерах пыток Усуапа. Заключенные томятся там целые месяцы в клетках двух метров, и садисты-охранники мучают их неслыханным образом. Во всей Аргентине говорят об ужасах этого ада в Патагонии.

Теперь аргентинский пролетариат вновь начал кампанию за освобождение этого мученика. Районные организации Международного Товарищества Рабочих в Аргентине об'явили на 14-ое ноября этого года во всех более или менее значительных городах страны генеральную забастовку. Они обращаются к рабочим всего мира с требованием поддержать их борьбу за освобождение товарища Радовицкого.

Международное Товарищество Рабочих присоединяется к этому требованию и борется за это дело, как за свое кровное дело. Пролетариат всех стран, не признающий ни границ ни отечества, должен рассматривать несправедливость по отношению одного из его братьев, как угрозу всему классу. Как Сакко и Ванцетти были убиты исключительно за их идеалы, так правящие классы медленно убивая Радовицкого, хотят поразить представителя революционного пролетариата. Если первых мучали 7 лет, чтобы потом живыми сжечь на электрическом стуле, то последнего в течение 18 лет гноят и медленно замучивают до смерти. То, что он до сих пор жив и не погиб от нечеловеческих страданий — подлинное чудо. Только его крепкая вера в конечную победу великого дела пролетариата поддерживает его силы.

Интернациональный пролетариат должен выступить на защиту товарища Радовицкого. Международное Товарищество Рабочих призывает все рабочие организации организовать митинги протеста против продолжающегося умерщвления Радовицкого и требовать его освобождения. Всем аргентинским консульствам должны быть переданы протесты рабочих организаций. Клич: — освободите товарища Радовицкого — не должен умолкнуть, пока мы не вырвем нашего товарища по борьбе из рук палачей.

Боритесь за товарища Радовицкого!

Секретариат Международного Товарищества Рабочих.

Муть

Когда в идейном и политическом споре люди занимаются главным образом измышлением наиболее ругательных эпитетов и обливанием грязью своих противников, тогда спор теряет всякую идейность. Он превращается в склоку обозленной группы лиц. Пример такой склоки дает нам статья, напечатанная в аргентинском «Голосе Труда» от 1-го ноября 1928 г. под названием — «Зло, с которым необходимо бороться» — и подписанная Волиным, Гр. Соболем, М. Стаймер, С. Флешиным и Е. Шварц. Статья целиком направлена против организации «Дело Труда» и ведомой ею работы. Казалось бы для идейной полемики поле достаточно широкое. В течении трех с лишним лет журнал «Дело Труда» затронул и осветил множество теоретических и политических вопросов первостепенной важности. Уже то действие, которое произвели на анархические умы Организационная Платформа и последовавшая за ней Анкета по вопросам анархической программы, показывает, сколь животрепещущие вопросы выдвинула организация «Дело Труда». Совсем недавно, наши товарищи, находящиеся в СССР, при том не случайные и никому неизвестные лица, а те, кто являются пионерами анархизма в России и чьи имена связаны с судьбою русского анархизма в течение последних двадцати пяти лет, подтвердили правильность и необходимость ведомой нами организационной и политической работы. Вот их слова: «Было грустно узнать о том, что наша эмиграция, как и в прежние годы (1908-14) осталась такой-же мещански-мелкой, нудной, задорно-сплетнической. Пережить такой переполох, какой мы все изжили за последнее десятилетие, быть с развязанными ртом и руками (не в СССР, конечно, а заграницей) и не суметь создать морально и идеологически выдержанного коллектива — тамъ, заграницей — это такое недомыслие, которое граничит с глупостью.

О вашей общественно-политической деятельности (речь идет о деятельности организации «Дело Труда» — ред.) мы имеем достаточно материалов, чтобы теперь, в трудный для вас период и большого дела, ведомого вами, иметь полное представление. То, что вы не потерялись и до конца выдержали натиск, говорит о вашей закалке и умении стоять выше мелких и личных самолюбий» (письмо от 6 ноября 1928 г.).

Ряд товарищей, получив номера «Дела Труда», сразу оценили серьезность поставленных журналом политических и теоретических вопросов и без дальних слов начали писать очень полезные для анархического движения статьи.

Конечно, не все анархисты могут быть солидарны с группою «Дела Труда». Анархисты всегда шли многими, порою противоречивыми путями. И было бы нелепостью ожидать или требовать от них, чтобы они сразу отказались от этих путей и встали на один путь. Такие явления происходят постепенно, в результате усиленной, притом коллективной работы мысли. Следовательно, расхождения — теоретические и организационные, — неизбежны. Неизбежна и полемика между расходящимися сторонами. Но полемика эта должна быть строго идейной. Она, в крайнемъ случае, может быть резкой, грубой, но *обязательно* идейной. Неидейная полемика не может иметь места в рядах анархизма.

Авторы статьи — «Зло, с которым необходимо бороться» — наши «непримиримые» противники. Против организации «Дела Труда» они выступают вторично. И оба их выступления носят характер не идейной дискуссии, а характер склоки, мелкой злобы и клеветы.

Все многообразие вопросов, разрабатываемых «Де-

лом Труда», проходит мимо них, не интересует их. Всякий раз, когда они обращаются к «Делу Труда», они берут какое либо положение, какую-либо фразу, извращают их и затем начинают клеветническую кампанию против «Дела Труда», ссылаясь на ими самими измышленные положения. Так было с их «Ответом» на Платформу (см. разбор этого «Ответа» в № 28 «Д. Тр.»). Так случилось с ними и теперь.

Начинается статья с высокопарного заявления о том, что необходимо «протестовать против недопустимых явлений в нынешнем русском анархическом движении заграницей». Недопустимыми явлениями авторы считают резкость слога отдельных статей, печатавшихся в «Деле Труда», а главное же — ту травлю, которую группа «Дело Труда», якобы, ведет против интеллигентов анархистов. Основанием для столь серьезного обвинения послужила статья т. Чернякова («Д. Тр.» № 33-34). Ссылаясь на эту статью, а заодно уже и на ряд других (листовка «Кому это надо?», — «Будьте на страже!» — «Критика синтеза» — № 26-27 «Д. Т.», — «Беспрограммная программа анархо-хаотиков и др.), авторы приходят к следующим заявлениям:

а) Тов. А. Черняков — человек «довольно тусклой совести», а статья его — хулиганство; б) «группа «Дело Труда» ведет самую гнусную травлю несогласных с ними работников анархизма, *как интеллигентов*». «Травля интеллигенции возводится Черняковым и редакцией «Дела Труда» на высоту непреложного анархического принципа»; в) «Рабоче-крестьянский анархизм, выдвинутый группой руских анархистов за границей — есть «поистине анархо-хулиганство»; г) «Психология анти-интеллигентства», свойственная группе «Дело Труда», «ничем, по существу, не отличается от психологии антисемитизма».

Здесь действительно есть против чего протестовать.

1. Прежде всего, слог статьи т-ща Чернякова и других статей «Д. Т.». Из статьи т-ща Чернякова авторы выбрали с добрый десяток выражений в качестве доказательства недопустимости его слога. И все же *ни одно* выражение не может быть осуждено, как идейно недопустимое. «Безответственные болтуны», «анархо-хаотики», «литье воды на жернов журжуазии», «выдумывают злостные небылицы» и т. д. — все это выражения, которым можно поставить в упрек их резкость, грубость, но которые тем не менее всегда допустимы в революционной критике. Выражение же «анархо-хулиган» — ни в какой полемике и критике недопустимо и оно лучше всего характеризует авторов этого выражения. О личностях мы коснемся в конце настоящей статьи.

2. Авторы статьи умышленно лгут, говоря, что группа «Дело Труда» «травит работников анархизма, как интеллигентов». На протяжении всех 42 номеров «Дела Труда» не было и не могло быть даже намека на подобную травлю. Роль подлинной интеллигенции в революционном анархическом движении мы достаточно знаем и ценим. В статье т-ща Чернякова имеется фраза «болтающие интеллигенты». Но смысл этой фразы совершенно не тот, который хотели бы придать ей авторы. Зная, что «Ответ» на Платформу написан теоретиками в кавычках, т. е. из таких, которые привыкли много, но неосновательно болтать, и видя в «Ответе» сплошное нагромождение всяческих софизмов, свойственных людям этого рода, т. Черняков невольно, революцион. чутьем рабочего оценил и дал им название «болтающих» интеллигентов, имея в виду, конечно, не интеллигенцию вообще, а узкую категорию пустозвонов из интеллигенции. Характерной особенностью лиц этой категории является то, что они, получив некоторое образование и обладая слогом и пером, но совершенно не обладая мнениями, связанными с социальными и политическими идеями, тем не менее всегда берутся за освещение и разрешение любых вопросов теории и практики и очень любят щеголять в тоге теоретиков движения, в рядах которого находятся. Они поэтому невольно пустозвонят. Тов. Черняков и отметил типичную блтовню этого рода лиц, нашедшую свое отражение в «Ответе» на Платформу.

Авторы говорят, что и другие сотрудники «Дела Труда» и сама редакция травят интеллигенцию. В «Деле Труда» печатались статьи т. т. Аршинова, Лазаревича и др., в которых давались отрицательные отзывы об интеллигенции, предупреждения против нее. Но ведь во всех этих статьях речь шла об интеллигенции, как *экономической категории*, пользующейся привиллегиями в производстве за счет работников ручного труда и во власти за счет прав бесправных масс. Надо же это знать и понять, прежде чем бросаться с обвинениями!

Не случайно, что въ вопросе о классовой природе интеллигенции, как и во всех других вопросах, выдвинутых и разрабатываемых в «Деле Труда», авторы статьи проявили полное непонимание и незнание азбуки этих вопросов. Зато в борьбе с нами они проявили бездну типично обывательского мещанского духа. Желая окончательно загрязнить нас, они пишут: «Характерно, при этом, что к интеллигентам, которых можно использовать или которых неудобно травить, у людей из «Дела Труда» имеется, наоборот, даже преувеличенно льстивое отношение, и даже при несогласии в мнениях». — Ну разве это не типичная обывательщина, не пошлое мещанство? Люди, называющие себя революционерами и анархистами, рассматривают взаимоотношения в анархической среде исключительно под углом зрения «использования» и «льстивых отношений». Это даже не каждому обывателю к лицу. И затем, это опять таки низкая ложь. Авторы ее не могут указать *ни одного* случая, который бы подтвердил их слова. Зато эти слова, помимо воли их авторов, опровергают все построение их статьи: есть все же интеллигенты, которых «Дело Труда» ценят. Нам остается лишь пояснить, кто ими являются. Это те подлинные интеллигенты души и мысли, которые, обыкновенно бесшумно, ведут серьезную работу в области развития и укрепления анархической идеологии и анархического движения. Подобных анархистов-интеллигентов группа «Дело Труда» искренне ценит, не взирая на расхождение во мнениях по тому или иному вопросу. Эти интеллигенты никогда не опустятся до того, что бы, отвечая на статью т-ща, прибегать, за неимением аргументов, к таким выражениям, заимствованным из площадного лексикона буржуазии, как «анархо-хулиган». Но группа «Дело Труда» одергивает тех, кто анархическую идеологию приспосабливает себе в качест-

ве нарядного одеяния, кто, пользуясь неразвитостью части нашей среды, преподносит ей всякий вздор в качестве теоретических постулатов анархизма. Это выскочки из интеллигенции, и их деятельности дается другая оценка. Нельзя одной мерой мерить работу духа, животворящую идею и словесный вздор: они не соизмеримы.

3. Авторы возмущены или делают вид, что возмущены, тем, что «Дело Труда» охарактеризовало их, как дезорганизаторов. Они спрашивают, — на каком основании? Да на основании их *фактической* дезорганизаторской деятельности.

В течении пяти-шести лет пребывания за границей сделали ли они хоть что-либо в целях оздоровления и поднятия мощи анархического движения?

Подали ли они хоть какой либо положительный совет в том мучительно-тяжком деле собирания анархических сил и осуществления анархической организованности, которое поставлено перед нами властными требованиями социальной революции?

Где их мнения по вопросам теории, тактики и политики анархизма, по вопросам общей и конструктивной программы нашего движения?

Увы — ничего этого нет. Все это ни в малейшей степени их не интересовало. Но зато, когда организация «Дело Труда» приступила к большому и сложному делу теоретического и практического оформления нашего движения, к построению широкого дееспособного анархического коллектива, — с их стороны началась бешенная травля этого дела. Они направили свои усилия на то, чтобы исказить самую идею этого дела, подорвать доверие к организации «Дело Труда» и отдельным работникам ее. При этом они не погнушались пользоваться методом инсинуации и клеветы: — «Дело Труда» преследует, мол, не анархические цели, а большевистские. Вот та единственная деятельность, которую эти люди проявили вокруг острейших и насущнейших вопросов анархического движения. Другой мы не знаем. Их «Ответ» на «Платформу», как бы они сами его ни расхваливали, представляет собою попытку *извратить* практическую идею анархизма, выдвинутую «Делом Труда», *заболотить* начатое дело. Их настоящая статья — безудержная клевета на организацию «Дело Труда». Где же их идея, положительная идейная работа в области анархической организованности? Их нет. Есть одни злобные попытки огрязнить и разрушить все то, что делается организацией «Дело Труда» в сфере оздоровления и поднятия мощи анархического движения. Это ли не позорно-преступное дезорганизаторство?

4. Товарищи, внимательно читающие «Дело Труда», знают, сколь твердо и последовательно мы оберегаем страницы анархического органа от споров личного характера. Мы и в дальнейшем будем придерживаться этого положения. В данном же случае грязнящая нас статья *обязывает* нас остановиться на некоторых личных моментах: во первых, тов. Черняков обозван анархо-хулиганом и человеком «тусклой совести»; во вторых, статья бросает намек на деятельность Карелина.

Так вот, мы заявляем, что т. А. Черняков — рабочий фабричного Иваново-Вознесенского района, — в течение всего бурного периода русской революции преданно и активно служил идее анархизма и анархическому движению. Имя т. Чернякова хорошо известно русским рабочим Севера и Центра России, а позднее и Юга России, как имя активного революционера, рабочего идеалиста и анархиста. Побольше бы нашему движению таких людей. Его статья содержит местами резкие выражения, но вся она от первой до последней строки написана в идейных тонах. Больше того, она содержит ряд интересных и аргументированных мыслей, например, мысль «об ответственности и идейномъ руководствѣ в революции», и другие. Направленная против него и «Дела Труда» статья сплошь наполнена одними ругательствами личного характера, в ней нет и намека на какую бы то ни было идейную постановку вопроса, и в этом отношении она не может идти ни в какое сравнение со статьей т-ща Чернякова. В этом убедится всякий, кто прочтет обе статьи («Д. Тр.» № 33-34 и «Г. Тр.» от 1 ноября 1928 г.).

Мы воздержимся от личной и политической характеристики лиц, бросающих грязью в т. Чернякова и во всю организацию «Дело Труда». Дело это самостоятельное и ему не место в настоящей статье. Но мы считаем необходимым снять покров с намека по поводу деятельности Карелина. Очевидно, авторы статьи хотели бы приравнять деятельность «Дело Труда» к деятельности Карелина в бытность последнего в Париже. Роковое для Волина сравнение! В то время, когда Карелин занимался недостойной деятельностью, которая вызвала протестующую статью т-ща Оргеиани, члены организации «Дело Труда» сидели в московском каторжном централе и понятия не имели об этой деятельности. Что же касается Волина, то как раз он в это время находился в тесных сношениях с Карелиным. Мы надеемся, что товарищи, ознакомившись со статьей Волина и др., поймут, кто является подражателем деятельности Карелина.

5. Авторы разбираемой статьи не устояли перед соблазном очернить «Дело Труда» еще чем нибудь более гадким, более отвратительным. И они прибегли *к намекам* на антисемитизм: — «Психология такого рода анти-интеллигентства ничем, по существу, не отличается от психологии, скажем, антисемитизма. Принципиальной разницы между тем и другим явлением мы не видим». — пишут они.

«Дело Труда» и антисемитизм! Какая низость! Назвать это провокацией — мало. Это — пошлость людей, обезумевших от злобы и потерявших в озлоблении голову. Будучи бессильны бороться с нами идейно, эти люди прибегают к самой безудержной клевете на нас. — «Клевещи, клевещи, — что-нибудь да останется», — вот мораль этих людей в отношении организации «Дело Труда». Обсуждать здесь эту низость мы не станем, будучи уверены, что участники анархического движения в разных местах сами разберут ее и оценят ее авторов.

***

Статья — «Зло, с которым надо бороться», ряд других типично клеветнических статей в «Голосе Труда», «Пробуждении» и «Рассвете» — отражают собой ту мутную волну, которая характерна для периода упадка анар-

хического движения, которая подбирается к нему и угрожает захлеснуть. Мы, не сомневаемся в том, что все действительные анархисты подымутся на борьбу с этой мутью и дадут ей *революционный* отпор.

Заграничная Организация Русских Анархистов - Коммунистов «Дело Труда».

25 ноября, 1928 г.

На что способны трущиеся в революции

В № 6 Журнала «Пробуждение» появилась статья под названием «Словесная революционность», за подписью Е. Н., направленная против революционных анархистов вообще (как будто только русских). Статья, посвоему чуждо-анархическому духу и клеветническому содержанию аналогична «критическому» материалу «аристократов духа» Е. Долинина, М. Р., М. Сука. Гос-н Е. Н. пишет следующее: «В рядах русских анархистов имеются сейчас два основных течения. Одно из них является течением культуртрегерским, другое — инсургентским».

Удивительно! В № 3 Журнала «Пробуждение» гос. Е. Долинин в своей статье «Опасная игра» тоже «открыл» в русском анархизме для читателей этого журнала два основных течения, одно из которых, по его словам, является мистическим, другое же авторитарным. Так что читателям «Дело Труда» видно, что пробужденческие «литераторы» за год своего существования и экскурсий в области «анархизма» открыли в русском анархизме уже четыре основных «течения». А что они еще откроют для своего читателя в следующих номерах «Пробуждения»? Поживем — увидим.

Дальше гос. Е. Н. заявляет: «Многие русские анархисты, пережившие эту кошмарную революцию (понимай октябрьскую), пришли к тому заключению, что одной революционности недостаточно для того, чтобы создать анархическое общество. Революция нужна, быть может, только для разрушения старой общественной жизни, но для созидания новой свободной общественности требуется только лишь дух созидающий. Этот же дух созидающий может проявиться только в том случае, если народ является серьезно подготовленным к этому новому строительству

Суждение г-на Е. Н. о русской революции не убедительное. 95 % из 100 % русских анархистов, не заседавших в правительственых центральных комитетах, а принимавших активное участие в революции, шедших плечо в плечо с революционным народом для отражения разного рода контрреволюционных белогвардейских банд, страдающие по тюрмам и ссылкам, скитающиеся по заграницам и преследуемые большевистским правительством в России, утверждали и утверждают, что Бакунинский лозунг «Дух разрушающий есть дух созидающий» находит свое подтверждение в народных массах во время революции. Не убедись они в народном «созидающем духе», они разочаровались бы, и примкнули бы, или к большевикам или же к «анархистам» сорта гос. Е. Н. Этим они, конечно, избавили бы себя от многих страданий. Главное, в чем вышеуказанные русские анархисты видят недостатки, имевшие место в русской революции, это недостаток организованности самих анархистов, продуктом чего явился большевистский деспотизм, новое рабство и вырождение анархистов в анархо-большевиков, универсалистов, культуртрегеров и мистиков. Это в то время, когда нужно единство дествия и действия не в комиссарских учреждениях, как это случилось с некоторыми ренегатами, а действия в среде революционных масс.

Что же касается того, что гос. Е. Н. заявляет, что, «дух созидающий может проявиться только в том случае, если народ является серьезно подготовленным к новому строительству, то в этом его заявлении нет ничего нового. Ведь много раньше г-на Е. Н. более либеральная часть буржуазных ученых совместно с социалистами государственниками доказывали и доказывают, что анархизм, как учение об экономическом равенстве и политической и духовной свободе, не так уж плох, но он неприменим к современному человечеству в виду неподготовленности человечества к этому: культурно и экономически. Конечно, гениям анархического учения потребовалось не мало труда и энергии для доказательства того, что жизнь человечества, построенная на принципе частной собственности, привиллегиях, эксплоатации, на государстве с его насилием, бюрократизмом, национализмом и милитаризмом, на современной школе, вырабатывающей гражданских, военных и полицейских чиновников, рутинных философов, ученых и писателей, продажных, профессоров, журналистов, адвокатов, попов, сыщиков, — жизнь, держащаяся на пьянстве и разврате, на противоестественном нравственном воспитании, — не может подготовить человечество к более совершенной, гуманной и разумной жизни, не устранив тех институтов, которые являются препятствием к этому. Зная мотивы буржуазных ученых и социалистов государственников, доказывающих неподготовленность современного трудового человечества к строительству свободной безвластной общественности, мы, анархисты, нисколько не удивляемся таким доказательствам. Было бы противоестественно, если бы они доказывали обратное. Удивительным должно казаться то, что люди, называющие себя анархистами, становятся на точку зрения тех же буржуазных ученых и социалистов государствеников в вопросе о возможности анархического строя.

Допустим, что для жизни более разумной, современное человечество нуждается в перевоспитании. Но может ли теперешнее человечество из национально-антагонистического и классово-угнетательского, из лицемерного и аморального превратиться в миролюбивое, безкорыстное, солидарное и т. д., если оно будет продолжать жить и воспитываться в духе национального и религиозного мракобесия, в духе лицемерия, обмана и т. п., как это воспитывается русская трудовая колония Америки и Канады руководителями «Пробуждения» и «Рассвета», к которым и вы, гос. Е. Н., принадлежите?

Дальше «культуртрегер» Е. Н. продолжает: « Но другой формы общественной жизни русская революция и не могла дать, ибо народ во время этой революции являлся только силой разрушающей. К строительству же он не приступал, ибо не знал, как строить эту жизнь. А поэтому

он и предоставил эту творческую работу большевикам».

Нужно быть крайним невеждой или же сознательным клеветником на русских рабочих и крестьян, чтобы утверждать, что они не способны к строительству новой жизни. Русский трудовой народ, как и труженики в прошлых революциях, не только способны к разрушению, но и к созиданию, но народное созидание, как в русской революции, так и в предшествующих ей, не было выгодно и желательно для тех партий, мечтой которых было занять место свергнутых правителей. Когда мечта эта осуществлена, народ для партий становится не нужен, ни как разрушитель, ни как созидатель. Занявши место свергнутой монархической власти, временное правительство, во главе с Милюковым и Львовым начало убеждать революционный народ России, стремившийся к земле, воле и равенству, что суть и задача революции в том и состоит, чтобы свергнуть неограниченную монархическую власть, на место которой поставить временное «народное» правительство, которое само уже решит вопрос о земле, воле и о форме правления. Вы же, солдаты и матросы, идите по старому на фабрики выделывать военное снаряжение; вы же, крестьяне и батраки, по-прежнему платите арендную плату за землю помещикам и работайте у них за 25 копеек в день.

Такую же созидательную роль признало за революционными тружениками России и сменившее временное правительство, так называемое, коалиционное правительство, во главе с Керенским. «Иди, вою, будь спокоен и жди всего от Учредительного собрания», такова лицемерно-обманная политика двух буржуазных правительств в отношении революционного народа. Народ смахнул правительства, как карточные домики, ибо он был революционен. Большевики, как властническая партия левого крыла марксизма, учли настроение масс, но зная, что им не удастся удержаться во власти, даже захватив ее, если они выдвинут для революционного народа программу первого этапа марксистского учения, гласящую: «вся крупная индустрия, земля и образования, переходят в распоряжение государства». Поэтому они выдвинули лозунг последнего этапа марксистского учения, гласящий: «Долой частную собственность и эксплоатацию, все принадлежит обществу при наличии рабоче-крестьянской власти, как регулирующего органа жизни нового общества».

Введши этим лозунгам в заблуждение не только рабочих и крестьян, но и анархистов и других революционеров и, доведя при их помощи разрушительную работу в революции до конца, до обессиления всех буржуазных партий в России, большевики заявили: «Мы завершили революцию, мы ею и будем управлять». Это означало лишения революционного народа прав на какую бы то ни было созидательную работу. Об'явив, что русский народ еще недостаточно подготовлен к строительству жизни на коммунистических началах, диктатура большевиков, путем казней, тюрем, ссылок, реквизиций, депортаций, начала направлять революцию, как мы уже указали выше, к первому этапу марксистского учения, давшего им возможность распоряжаться всей жизнью трудового народа и всем его достоянием.

Мы вдим, таким образом, что нельзя упрекать русский трудовой и революционный народ в неумении строить новую свободную общественную жизнь.. Ибо ему в этом отношении все время связывали руки, — сначала буржуазное правительство, а затем — большевистское. Как же г-н Е. Н. осмеливается упрекать его во всем этом?

Не вручал русский трудовой народ строительства новой жизни большевикам, как это утверждает тот же г-н Е. Н. Большевики предложили свои услуги революционному народу в разрушении капиталистической системы в России и в передаче фабрик рабочим и земли крестьянам. Народ пошел за ними и поддержал их, надеясь, что соц. переворот завершится его победой. И если большевики оказались наглыми обманщиками, предателями и узурпаторами социальных и политических прав рабочих и крестьян, то разве, на этом основании можно винить рабочих и крестьян в неспособности созидать новое общество?

Серодоенков.

(Окончание следует).

Снимите с них маску!

На конференции обществ, поддерживающих «Рассвет» и «Пробуждение», состоявшейся 2 и 3 июня 1928 г., представителями отколовшихся от них русских рабочих организаций был прочитан целый обвинительный акт против деятелей «Рассвета» и «Пробуждения». Один из членов редакции правильно понял всю тяжесть брошенного им обвинения, когда потребовал третейского суда. Дело, действительно, принимает серьезный характер и, очевидно, без общественного суда не обойтись.

Я, в качестве бывшего сотрудника этих изданий и в качестве лица, рекомендовавшего американским товарищам одного из членов теперешней редакционной коллегии этих изданий, считаю себя вправе высказаться о необходимости суда и о его характере, так как не имею ни малейшего желания нести ответственность перед организациями русских рабочих в Америке за деятельность редакции этих изданий.

Прежде всего я должен заявить, что то лицо, кторое было командировано в Америку от имени Секретариата Всеросс. Федер. Анархистов-Коммунистов, не оправдало доверия командировавших его. В. Ф. А. К. не существует с 1925 г. и поэтому такое заявление я делаю индивидуально, хотя я твердо уверен, что, если бы ВФАК существовала, то недоверие было бы выражено от имени ее Секр-ната. Командированное лицо занималось в Америке своими личными делами, а не выполняло поручений командировавших его, хотя и продолжало поддерживать связи с ним, не сообщая им ничего о характере своей деятельности.

Это то, что я должен сообщить об отдельном лице, о котором мне приходилось писать некоторым товарищам, отвечая на их прямой вопрос о возможной солидарности с ним. Никакое поручительство не имеет пожизненного характера: человек переменился в Америке, распоясался во всю и не счел нужным сообщить об этом мне. Каждого могут обмануть. В данном случае я был введен в заблуждение. Если бы я имел несколько лет тому назад достоверные сведения о его деятельности, то я тогда же выразил бы ему недоверие и отказался бы от всякой солидарности с ним.

Поскольку «Рассвет» и «Пробуждение» ведутся группой, ответственность за их деятельность несут все члены примыкающих к ним обществ, а не отдельные лица, которые могут быть виноваты в большей или меньшей степени. Не касаясь отдельных лиц и не бросая **никому личного** обвинения (среди них могут быть и честные люди, но введенные в заблуждение), я в дальнейшем буду говорить только в целом о рассветовцах и пробужденцах.

Прежде всего, кража у Федерации А.-К. Группы Соед. Шт. и Канады наборных машин, склада и магазина является тяжким преступлением перед анархическим движением, которое должно подлежать расследованию и оглашению среди колонии.

Деятельность по разложению группы а-к также должна быть выявлена в полной мере.

Такие факты, как устройство лекции в Ашланд Авдиаториум известного лидера буржуазной партии П. Н. Милюкова, содействие устройству панихиды по Врангеле, восхваление Союза Русских Офицеров, холопское почитание его руководителей Юзефовича, Шуфостова и Перцова означает, конечно, ничто иное, как **измену** анархическим идеалам и прямое **предательство** революции.

С Милюковым, Врангелем и Союзом Русских Офицеров рабочие и крестьяне вели войну. Великим завоеванием Русской Революции именно и является разрушение капитализма и изгнание капиталистов и помещиков. Анархисты всегда и везде вели войну с капиталистами и помещиками и их вооруженной силой — Союзом Русских Офицеров. Выражение солидарности с Милюковым, Врангелем и Союзом Русских Офицеров со стороны людей, называющих себя анархистами, не может быть об'яснено простой глупостью: это — измена и предательство. Предательство, тем более гнусное, что оно делается (если не прямо, то косвенно) от имени анархизма. Нам были бы безразличны эти факты, если бы они не делались под **маской** анархизма.

Рассветовцы и пробужденцы выступают под маской анархизма, будучи монархистами, черносотенцами. Я видел вырезку из «Рассвета», в которой Окунцов неосторожно выразил симпатии Николаю Николаевичу в надежде, что он поможет ему «освободить Россию »от большевиков. Ни один анархист, каковы бы ни были его отношения к большевикам, никогда не позовет Николая Николаевича на помощь. Советское правительство, как правительство антибуржуазное, также отличается от Николая Николаевича — надежды русских капиталистов и помещиков, — как правительство Наполеона I, от царей-крепостников своего времени.

В статье от 9 марта «Приближается развал России» несомненный монархист пишет: «Петр, Борис Годунов и Грозный умели отечески-державной рукой направлять Россию». «Эти удалые буйные молодцы титаническим взмахом меча и топора выковывали матушку Россию». А теперь «латыши в союзе с евреями Польши и Малороссии ухитрились наложить ярмо на русский народ». «Вчерашние свинопасы, вши, сегодня толкуют и пишут законы потомкам православных».

Какая гнусность! Этого не мог написать не только анархист или социалист, но ни один беспартийный рабочий или крестьянин. Ни один честный интеллигент этого не напишет. Это пишет враг рабочих и крестьян! Посмотрите сколько у него презрения к рабочему: «свинопасы, вши». Свинопас — это для «барина» бранное слово. Для анархиста же, свинопас — это рабочий, наименее оплачиваемый рабочий, живущий в худших условиях, чем другие категории рабочих, но не являющийся от этого чем то худшим, чем металлист или наборщик. Такой рабочий для «Рассвета» — вошь. Запомните это, рабочие!

Анархисты борются за интересы этих самых свинопасов и хотят, чтобы над свинопасом не было барина, а рассветовский барин с ненавистью и презрением брызжет слюной на этого свинопаса и называет его вошью, т. е. паразитом, подлежащим истреблению. Можно ли совершить более тяжкое преступление перед рабочим классом! Можно ли сильнее оскорбить рабочих на страницах газеты, издающейся для рабочих?

С анархической точки зрения неблагополучие в СССР заключается именно в том, что свинопас перестает быть свинопасом, когда начинает писать и толковать законы. Он становится чиновником. Поэтому то анархисты и возражают против государственного социализма. С точки зрения анархизма, вошью является барин, презирающих рабочих, тогда, как свинопас должен быть хозяином жизни, не оставляя своего физического труда. С нашей точки зрения вшами, т. е. паразитами, являются Милюковы, Врангели, Николаи Николаевичи, словом, тунеядцы: помещики и капиталисты, а также те интеллигенты, которые им прислуживаются.

Символом веры монархизма были самодержавие, православие и народность, понимая под последней презрение ко всем племенам и народам, кроме русского, а среди русского народа проявление уважения к тому, что называется у них «обществом, светом», т. е. только помещикам и капиталистам. Преклонение «Рассвета» перед самодержавием мы уже видели выше, когда цитировали статьи, в которых говорилось о Петре I, Годунове, Грозном и Николае Николаевиче. Презрение к рабочим и крестьянам выражено в статье о «Распаде России». Тут же и ненависть к другим народам: «латыши и евреи наложили ярмо». Тут и презрение к украинской народности: «Малороссия» — как говорили царь и помещики, а не Украина, как называли и называют свою родину украинские крестьяне.

Есть тут и православие в старом казенном смысле слова. Фраза о том, что какие то иноверцы «пишут законы потомкам православных» — не случайно сорвалась у рассветовца. Рассветовцы считают православие обязательной для всех основой общественной жизни и не разрешают русскому отказываться от православия или религии. В передовице № 1 «Пробуждения» за 1927 г. говорится о том, что журнал носит общественный, научный, художественный и религиозный характер. Это анархический то журнал является религиозным органом! В «Рассвете» от 3 февраля 1928 г. о Троицком Соборе, возглавляемом епископом Феофилом, пишется «всеми чтимая в колонии русская православная церковь» и т. д. Никто из членов редакции никогда не протестовал печатно против вышеизложенных мыслей и настроений.

Все три элемента монархического черносотенства имеются налицо в «творчестве» рассвето-пробужденцев: и самодержавие, и православие и народность (грубый национализм

---

*)Пользуюсь цитатами из обстоятельной брошюры т. С. Володькина — «Что такое рассветовщина».

с барской окраской). Барское презрение к рабочим и крестьянам также имеется на лицо. О солидарности с капиталистми, помещиками и их военными организациями они сами разбларговестили. Дело ясное: рассвето-пробужденцы (одна шайка) нарочно носят анархическую маску, чтобы нанести более сильный удар революционному анархизму. Они — не анархисты, а монархисты-черносотенцы, скрытые фашисты. Анархические группы они разлагали сознательно, чтобы помочь полиции ликвидировать революционное движение. Наборные машины, склад и типографию они украли у федерации анархистов с той же самой целью.

Поэтому, мы должны сделать вывод, который напрашивается сам собой: мы имеем в данном случае дело не только с изменой и предательством со стороны рассвето-пробужденцев, но и с прямой провокацией. Этого не понимают только те, кто настолько сбит с толку анархическими фразами рассвето-пробужденцев, что не видит того, что делается под прикрытием этих фраз. Большинство рабочих организаций уже отшатнулись с презренеим от рассвето-пробужденцев. Политический маскарад близится к концу: их уже разоблачили.

Теперь нужен общественный суд, которого так хочет редакционная коллегия «Рассвета» и «Пробуждения». Только третейский суд здесь не подходит: третейские суды бывают между равными. В данном случае нужен другой суд — нужна Комиссия для расследования всей провокационной деятельности рассвето-пробужденцев. Комиссия снимет маски с черносотенцев и выучит их называться собственными именами, не таская по грязи чужого знамени. Комиссия выявит настоящих провокаторов, действующих в среде рассвето-пробужденцев или за их спинами. Комиссия выделит заблудших, по недоразумению остающихся в рассвето-пробужденской среде и направит их на путь истинный. Последние, конечно, могут требовать третейского суда, если их чем нибудь обидят. А над остальными рабочий класс произнесет свой приговор и, будем надеяться, гнусному маскараду будет положен конец раз и навсегда.

В. Худолей.

Вместо ответа — склока

Нынешняя редакция и исполнительная комиссия аргентинского «Голоса Труда» бросили обвинение нашему анархическому движению в С. Америке, заявив, что оно «приняло анти-анархич. формы и основы». Естественное возмущение северо-американских товарищей нашло свое выражение в статье секретаря Федерации А.-К. Групп С. Ам. и Канады т-ща А. Я., в статье т-ща Л. Липоткина и в резолюции Конференции Огайовского района от 8 апр. 1928 г. (см. «Д. Тр.» № 37-38, где напечатаны все эти статьи). Северо-американские т-щи настоятельно потребовали от редакции и исполнительной комиссии «Голоса Труда» об'яснения, на каком основании им брошено столь тяжкое обвинение. И вот в № 290 «Г. Тр.» появился ответ. Редакция назвала его «вынужденным ответом», очевидно считая, что разбрасываться подобными обвинениями и не давать на них об'яснения — право «анархистов» из «Голоса Труда».

Вот как исполнительная комиссия Федерации обосновывает свои обвинения. «В августе 1927 г. исполнительная комиссия Федерации Р. Р. О. Ю. Ам. получила письмо от группы «Дело Труда» в Париже за подписью секретаря Аршинова, в котором говорилось дословно следующее:

«То, что нам нужно, — это коллектив людей, знающих, чего они хотят, имеющих один идеал, идущих к одной цели, ясно и твердо. И такой коллектив может быть только партия анархо-комунистов. В основу организации должна быть положена наша платформа. Наши Сев. Американские товарищи вполне присоединились к нашему мнению. Реорганизация групп даже уже произошла, и мы имеем там одну крепко спаянную организацию. Мы предлагаем также вам, товарищи, присоединиться к нашему плану»...

Исполнительная комиссия федерации «Голоса Труда» заявляет, что на основании этого письма они и обвинили анарихческое движение Сев. Америки в антианархичности.

Вот это и называется сделать гадость и спрятаться в кусты.

Но разберем об'яснение. Северо-Американские т-щи, действительно, первые поддержали идею Всеобщего союза анархистов. Организация новой федерации Ан.-Ком. (в отличие от старой федерации), поскольку мы ее понимали, происходила *в согласии* с общей идеей анархической организованности, выдвинутой платформой. И в этом смысле мы приветствовали возрождение и реорганизацию анархич. движения в Сев. Америке и указывали на него, как на положительный пример. Но от этого еще далеко до осуществления партийной формы организации. Это, во-первых. Во-вторых, от этого движение никоим образом не могло стать антианархическим. Где, на каком конгрессе или в каких сочинениях анархистов сказано, что движение, примыкающее к идее общей общей анархической организованности, к Платформе или хотя бы к идее анархо-коммунистической партии (чего еще не случилось с нашим движением в С. Америке), становится противо-анархическим? Очевидно, Испол. комиссия сама установила этот спасительный для нее тезис и хотела бы на нем выкрутится. Не выкрутится. Письмо секретаря группы «Дело Труда» являлось письмом организации, *находящейся в Европе*. Допустим, что в Федерации «Голоса Труда» его неправильно толковали, искажали, преувеличивали. Допустим, что угодно. Но остается тот факт, что письмо это принадлежит все таки группе «Дело Труда», а не Сев. Американской Феферации А. К., и последняя, следовательно, за него не ответственна ни в какой степени. Почему в № 283 «Г. Тр.», когда бросалось обвинение в антианархичности, не пояснялось, на каком основании бросается обвинение? Почему *тогда* не было ссылки на письмо секретаря Группы «Дело Труда? Не потому ли, что обвинение бросалось без всякого основания и что авторы его не предвидели, что им придется давать ответ в своем поступке?

Но это еще не все. Письмо группы «Дело Труда» получено Исполнительной комиссией «Голоса Труда» в августе 1927 г. Конференция же Северо-Американской федерации А. К. состоялась в *октябре* 1927 г. Резолюции,

которые были приняты на этой конференции, прибыли в «Голос Труда» в ноябре или декабре 1927 г. Характер анархического движения Сев. Америки, его формы и направление были отражены *именно в этих резолюциях.* Следовательно, *лишь на основании этого документа*, утвержденного только что закончившейся общей конференцией анархистов Сев. Америки и Канады, можно говорить о «формах и основе» анархического движения в С. Ам. Испол. комиссия «Гол. Тр.» сначала бросила обвинения в «антианархичности», а затем стала искать основания им. Но не найдя в резолюциях конференции никакого материала, который бы давал хоть малейшее основание для брошенных обвинений и для ненапечатания самих резолюций, и будучи в то же время прижаты к стене, исполнительная комиссия и редакция «Голоса Труда» кинулись искать спасения в старых материалах и нашли письмо, пришедшее год тому назад из... Парижа, письмо, совершенно неизвестное северо - американской федерации и не имеющее *никакого* отношния к созданному испол. комиссией положению. Конечно, это не спасет их от сурового, заслуженного ими осуждения: склока их у всех на виду.

Заграничная Организация Русских Анархистов - Коммунистов «Дело Труда».

РЕЗОЛЮЦИЯ - ПРОТЕСТ

Прочтя заявление 18-ти московских анархистов, напечатанное в № 39-40-м журнала «Дело Труда», мы узнали, что кучка философских болтунов и политических демагогов во главе с реакционным мистиком А. Солоновичем, стараются превратить музей имени П. А. Кропоткина из института анархической, революционной мысли — в институт мистического богоискательства. Зная, что великий революционер-материалист-позитивист и теоретик анарихческог коммунизма, П. А. Кропоткин, отдал все свои силы, знания и способности против всякого фантастического божества, под каким-бы именем оно не проповедывалось, мы, группа Ан.-Ком г. Бальтиморы протестуем против А. Солоновича и Ко, задавшихся целью использовать музей для пропаганды мистицизма и извращения учения П. Кропоткина и анархизма вообще, и требуем от г. г. мистиков очищения музея и передачи всех дел по увековечению памяти П. А. Кропоткина в руки последователей его, — подлинных анархистов.

Надеемся, что все анархисты, а особенно русские, находящиеся в С. Штатах и Канадѣ, наученные опытом разрушительного действия мистика Е. Моравского в анархическом движении, присоединят свои голоса к нашемя протесту.

8 ноября, 1928 г.

Группа Ан.-Ком. г. Балтиморы.

К СВЕДЕНИЮ ТОВАРИЩЕЙ.

Согласно решению Конференцией 30 октября 1927 года вопроса о раз'ездном агитаторе, Федерация Анархо-Коммунистических Групп Соед. Штатов и Канады постановила послать докладчика в об'езд по группам. С этой целью приглашен тов. Л. Лазарев, который согласился начать свой об'езд в начале января 1929 г. и читать лекции на следующия темы:

1. Происхождение человека.
2. Задачи рабочего движения.
3. Что такое анархизм.
4. Анархизм и Синдикализм.
5. Анархизм и Организация («Организационная Платформа» и «Ответ на нее»).
6. Русское анархическое движение в Америке.

За справками обращаться к секретарю Федерации.

ОТЧЕТ

Общества помощи политическим заключенным гор. Сэн - Луиса Мо. От 8-го июля с. г. по 20-ое ноября 1928 года.

От пикника устр. 8-го июля 1928 года — 10 дол.; от предприятия уст. 21 окт. с. г. — 49 дол. 25 ц.; по подписным листам — 57 дол..

Итого прихода — 116 дол. 25 ц.

Выслано политическим заключенным через «Дело Труда» — 85 дол.; пересылка денег — 2 дол. 25 ц..

Итого расхода — 87 дол. 25 ц.

Остаток в кассе — 29 долларов.

КАССОВЫЙ ОТЧЕТ

группы русских анархистов за-границей от 6 ноября 1928 г. по 6 декабря 1928 г.

Приход:

Остаток на 6 ноября — 406 фр. 15 с. 20 дол. 10 шил.; от Филадельф. группы А.-К. (25 д.) — 625 фр.; от Чикагской группы через т. Волкова (22 д.) — 554 фр. 45 с.; от Нью-Иоркской группы на «Д. Т.» (15 д.) — 375 фр.; от группы «Бунтарь» из Буэнос-Айреса за книгу — 5 дол.; от И. Коган из Чикаго — 5 д.

Итого прихода: 10 шил. 30 дол. 1960 фр. 60 с.

Расход:

Уплочено в типографию за № 41-42 — 1200 фр.; техническая экспедиция №№ 37-38, 39-40, 41-42 и стоимость упаковочной бумаги на книгу — 220 фр.; почтовыя марки для экспедиции № 41-42 — 205 фр.; корреспонденция — 80 фр.; дорожные расхоры — 42 фр. 65 с.

Итого расхода: 1747 фр. 65 с.

Остаток на 6 декабря 1928 г. — 10 шил. 30 дол. 212 фр. 95 с.

Примечание: Не доплочено в типографию за № 41-42 «Д. Тр.» — 470 фр.

К СВЕДЕНИЮ ТОВАРИЩЕЙ и ОРГАНИЗАЦИЙ, ПОЛУЧАЮЩИХ «ДЕЛО ТРУДА».

Редакция напоминает товарищам, сносящимся с нами по оффициальному адресу журнала, присылать деньги НЕ ЧЕРЕЗ БАНК, а только ЧЕЕЕЗ ПОЧТУ, посредством почтовых переводов или посредством денежным писем.

Gérant: L. LORÉAL

Imp. L. Beresniak, 12, rue Lagrange, Paris